

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В. Е. Квашис

КУДА ИДЕТ СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Виталий Квашис

Куда идет смертная казнь

«Юридический центр»

2011

Квашис В. Е.

Куда идет смертная казнь / В. Е. Квашис — «Юридический центр», 2011 — (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса)

В книге на обширном фактическом материале дается анализ мировой практики применения и исполнения наказания в виде смертной казни, охватывающей значительный период современной истории. Исследуются состояние преступности, уголовная политика, законодательство и судебная практика в странах, наиболее широко применяющих смертную казнь, эффективность этой меры, состояние общественного мнения, практика применения альтернативного наказания, распространенность судебных ошибок, перспективы мирового движения за отмену смертной казни. Наряду с анализом ситуации в странах Азии, Ближнего Востока и Африки наибольшее внимание уделяется положению дел в КНР, США, Японии и России. Широко используются документы и материалы ООН, Совета Европы, Интерпола, «Международной амнистии», национальной и международной уголовной статистики. Многие фактические данные и результаты специальных исследований в России публикуются впервые. Для научных и практических работников (юристов, социологов и политологов), преподавателей, аспирантов и студентов, а также всех интересующихся проблемами уголовного права, борьбы с преступностью и уголовной политики.

ББК 67.408

© Квашис В. Е., 2011

© Юридический центр, 2011

Содержание

Предисловие	6
Введение	11
Глава 1. Смертная казнь в странах Азии, Ближнего Востока и Африки	18
1.1. Центральная Азия	18
1.2. Юго-Восточная Азия	24
Конец ознакомительного фрагмента.	44

В. Е. Квашис
Куда идет смертная казнь
Мировые тенденции,
проблемы и перспективы

Редакционная коллегия серии «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса»

В.С. Комиссаров (отв.ред.), А.И. Коробеев (отв.ред.), В.П. Васильев, Ю.Н. Волков, Л.Н. Вишневская, М.Х. Гельдибаев, Ю.В. Голик, И.Э. Звечаровский, В.П. Коняхин, Л.Л. Кругликов, Н.И. Мацнев, С.Ф. Милуков, М.Г. Миненок, А.Н. Попов, А.П. Стуканов, А.В. Федоров, А.А. Эксархонцло

© В. Е. Квашис, 2011

© Ю. Е. Пудовочкин, предисл., 2011

© ООО «Юридический центр-Пресс», 2011

Предисловие

Книга, которую вы, уважаемые читатели, держите в руках, весьма необычна. С одной стороны, она посвящена теме настолько же вечной, насколько и «общеизвестной» (по замечанию автора, здесь, как и в футболе, разбирается каждый). С другой стороны, эта книга весьма существенно отличается по своему содержанию, характеру, убедительности, внутреннему строю и другим качествам от многих научных источников, посвященных проблеме смертной казни. В извечной притягательности этой темы, действительно, есть много сакрального, и потому перед любым новым произведением стоит нелегкая задача – не снижая градуса общественного интереса, приоткрыть завесу неизвестного в «общеизвестном». Конечная цель этой работы, по сути, связана с классической формулой – «ну не верь, но хоть помысли!». Благо помыслить здесь есть над чем.

Монография, которую я имею честь представлять в качестве эксперта издательства, принадлежит перу ученого, известного не только в стране, но и далеко за ее пределами; профессиональный читатель знает В. Е. Квашиса по многочисленным трудам, главным образом посвященным различным проблемам криминологии и уголовной политики. С началом эпохи перестройки у него появилась возможность реализовать давний замысел: связать воедино всю цепочку – преступление, следствие, судебный процесс, назначение наказания, его исполнение и, наконец, помилование осужденного (кстати, амнистия и помилование – самая первая в СССР по этой теме кандидатская диссертация автора). Много лет он был увлечен исследованиями проблематики смертной казни; активное участие в работе международных организаций, многочисленные зарубежные командировки для работы в качестве эксперта и докладчика на крупных международных конгрессах и конференциях, а также для чтения лекций по приглашениям зарубежных университетов – все это позволило ему познакомиться с положением дел на всех континентах, собрать обширный и во многом уникальный фактический материал. Автор, возможно, мог бы издать эту книгу еще десять лет назад, но он считал необходимым продолжать накопление информации, с тем чтобы период наблюдений был как можно более длительным, ибо тем самым повышалась бы и достоверность выявленных тенденций и обоснованность суждений и выводов. Такое решение оказалось верным не потому, что спешить, вообще говоря, никогда не следует, а главным образом в том плане, что со второй половины 90-х годов во многих, особенно в развитых, странах и динамика преступности, и практика применения и исполнения смертной казни стали весьма существенно меняться.

Наконец фундаментальный труд завершен; он пополнит криминологическую науку новым и качественным исследованием проблемы, знаковой для уголовной политики любой страны. Скажу без лишних реверансов в адрес автора, что знакомство с рукописью этой книги принесло мне истинное удовольствие, которое в последнее время не часто испытываешь, читая профессиональную литературу. (Я уже не говорю о стилистике, которая отличает все его работы. Немногих авторов можно легко узнать «по почерку», по строю мысли и манере изложения.)

Что понравилось особенно и на что хотелось бы обратить внимание читателя? Во-первых, редкая по широте охвата и разнообразию материала фактологическая основа исследования, а отсюда и его высокая информативность. Помимо моря статистической информации (национальная и международная полицейская, судебная, демографическая и прочая статистика и другие документальные данные охватывают длительный период – вплоть до конца 2009 года!) и результатов социологических исследований, в работе широко использована уникальная библиография, где большинство источников даже отечественным специалистам открываются впервые. Отмечая масштабность исследования, нельзя не сказать о его «географии», практически всестороннем охвате проблемы, глубине анализа и аргументации.

Основная часть книги посвящена анализу уголовной политики, законодательства, состояния преступности и практики применения смертной казни в Китае, США, Японии и России. О ситуации в большинстве этих стран автор стремится информировать читателя как можно полнее, он рассказывает о ней с присущим ему знанием деталей, которые, помимо всего прочего, включают в себя особенности менталитета и психологии населения той или иной страны. Ему хватает и личных наблюдений – только в США, например, он выезжал более 40 раз, много общался с прокурорами и судьями, с работниками полиции, пенитенциарных учреждений, с правозащитниками, служителями культа, учеными-юристами, сотрудниками Министерства юстиции. (Между прочим, еще в начале 90-х годов автор написал сценарий и снял документальный телефильм о работе уголовной юстиции США. А несколько лет назад, став лауреатом самой престижной правительственной программы США по обмену учеными, работал в Нью-Йоркском университете.)

С ситуацией в США отечественный читатель более или менее знаком по многочисленным, хотя и далеко не лучшим кинофильмам, а вот с положением дел, скажем, в странах Юго-Восточной Азии или Ближнего Востока ему предстоит во многом познакомиться впервые, открывая для себя немало нового и интересного.

Во-вторых, внимание заинтересованного читателя, я уверен, привлекут разнообразные материалы исследования, рисующие живую панораму современной мировой практики применения смертной казни, подходы автора и уровень анализа, указывающие на глубину его погружения в проблему. При этом особенности законодательства и судебной практики той или иной страны приводятся на фоне обстоятельного криминологического анализа преступности, что само по себе ценно, ибо почти неизвестно и потому крайне интересно; важно и то, что все это вписано в общий контекст исторического, социально-экономического, политического и культурного развития конкретной страны. Такой анализ во многом объясняет специфику восприятия смертной казни общественным сознанием, отношение к ней в структурах политической и судебной власти, состояние и характер общественного мнения, в котором наряду с другими факторами преломляются особенности истории страны, специфика менталитета и психологии людей.

В этом плане хотя и дискуссионными, но однозначно важными видятся, например, характеристики процесса все более широкой исламизации различных сторон общественной жизни в ряде стран Азии, Ближнего Востока и Африки, напрямую затрагивающего уголовную политику, законодательство и правоприменительную практику. По мнению автора, этот процесс приобретает тотальный характер, обеспечивая неоправданную репрессивность и архаическую жестокость воссоздаваемой параллельной системы юстиции. «Легализация шариатской системы законодательства и юстиции, – отмечает В. Е. Квашис, – это варваризация общественной жизни, это движение в прошлое, которому ненавистны ценности демократического развития, которые сегодня правят в цивилизованном мире». На мой взгляд, в современных условиях, характеризующихся сочетанием процессов глобализации и фрагментаризации, столкновением цивилизационных моделей, поиском оптимальных принципов организации поликультурного общества («тигель» или «салат»), выводы автора могут служить предостережением от заигрывания с радикально настроенными движениями, от попустительства распространению экстремистских религиозных настроений.

Об особенностях композиционного построения этой монографии уже упоминалось; кроме того, они объяснены и самим автором. Отмечу лишь, что, в отличие от работы директора Оксфордского Центра криминологии Р. Худа, региональный анализ, предпринятый в первой главе этой монографии, дает более полное представление о положении дел в той или иной стране, поскольку не «растворяет» его в основных аспектах проблемы, а дает цельную картину.

Вторая и третья главы посвящены анализу особенностей законодательства и практики применения и исполнения смертной казни в США. Массив этой информации настолько мно-

гообразен, что, в отличие от того, как это сделано в первой главе, дает возможность рассредоточить ее значительную часть по всем другим разделам книги, где рассматриваются общие для всех стран узловые вопросы темы. Информированность автора в нюансах американской практики очевидна и в силу сказанного выше понятна. Что же касается анализа положения дел в другой индустриально развитой стране – Японии, то до самого последнего времени отечественный читатель сколь-либо развернутого представления о нем практически не имел. Две последующие главы книги знакомят читателя с историческими, социально-психологическими и культурными факторами противодействия преступности в этой стране, со спецификой уголовного законодательства и уголовного процесса, с динамикой и структурой преступности, с итогами выполненного автором анализа судебной практики по применению всего спектра наказаний и, конечно же, с практикой назначения и исполнения смертных приговоров. С учетом значительной закрытости японской статистики и особенно завесы секретности вокруг всего того, что связано с применением смертной казни, нельзя не отметить глубину погружения автора в особенности японской правоприменительной практики и, как следствие, уже не раз отмеченную информативность почти неизвестного и впервые публикуемого материала.

Безусловным достоинством работы является подход, при котором смертная казнь рассматривается не только как мера государственного принуждения, инструмент государственной политики, но и как социально-культурный феномен. Такой подход позволяет автору решать вопрос о перспективах смертной казни без оглядки на состояние криминологической ситуации и общественного мнения. Полагаю, что автор убедительно доказал не только мизерный общепрофилактический эффект этой меры наказания, но и несостоятельность популистских теорий и ссылок на результаты опросов общественного мнения. Для принятия назревших решений в современной России эти результаты имеют особое значение.

Весьма важными представляются поднятые автором вопросы методологии и методики исследования общественного мнения, позволяющие критически подходить к результатам опросов, их достоверности, а, следовательно, и к их криминологической и политической значимости. Удачным следует признать описание причин деградации отечественного массового сознания на рубеже XX века. «Парадоксы российской ментальности, – пишет автор, – особенно ощутимо проявляются на фоне, казалось бы, несовместимых психологических процессов. С одной стороны, в общественном сознании все большее место занимает банализация зла и дедраматизация криминальной ситуации, привыкание к насилию и, как следствие, растущая терпимость к правонарушениям. С другой стороны, в массовом сознании растут страх перед преступностью и ощущение тотальной незащищенности. Эти противоречивые тенденции оказывают крайне негативное влияние на формирование общественной психологии и обуславливают репрессивность массового сознания. И хотя население России не образует сколь-либо единого целого, деградация общественного сознания приобретает все более широкий характер, поскольку реалии повседневной жизни не способствуют нейтрализации атавизмов, мифов и идеологической закодированности массового сознания».

Вообще раздел книги, посвященный анализу общественного мнения, его характеристикам и роли в решении рассматриваемой проблемы, является ключевым; насколько мне известно, с самого начала работы над темой именно этот аспект представлял для автора наибольший интерес¹. В книге удачно сочетаются и вопросы методологии и методики такого анализа, и сравнительная картина явления в США, Японии, России и других странах, далеко отстоящих друг от друга не только географически, и публицистичная манера изложения. Причем, когда речь идет о положении дел в России, может показаться, что картина выглядит

¹ Статья автора «Смертная казнь и общественное мнение», опубликованная в 1997 году в журнале «Государство и право», привлекла внимание своей новизной и значимостью; не случайно ее вскоре перевели и опубликовали в ряде зарубежных изданий, а американский журнал «Russian Politics and Law», например, вообще переиздавал ее несколько раз.

излишне мрачной и не слишком патриотичной. На самом же деле, речь идет о вещах, действительно, реальных, хотя и печальных; и если они и даны автором в высокой концентрации, то лишь для того, чтобы показать, с каким социально-психологическим багажом Россия вступила в XXI век.

Не менее важной является трактовка автором роли общественного мнения, его оценки и восприятия властью, значимости именно для решения данной проблемы. Критическое отношение автора к этому феномену очевидно и в достаточной мере обоснованно, ибо есть проблемы (смертная казнь как раз и относится к их числу), которые не решаются «на улице». Тем более, что, как отмечал еще П. Чаадаев, «у нас общественное мнение давно находится в состоянии дури».

Призывы сторонников смертной казни к проведению референдума, по справедливому замечанию автора, изначально некорректны хотя бы потому, что мнение большинства населения заведомо известно и в силу своей консервативности стабильно. Они игнорируют проверенные временем и очевидные положения о том, что «мнение большинства само по себе вовсе не означает, что оно является единственно правильным»; «демократия – это не только когда все решается так, как хочет большинство»; мнение населения не может определять карательную политику. На опыте многих стран в монографии наглядно показано, что «состояние общественного мнения не является *condition sine qua non* для выбора того или иного политического решения». Поэтому в описанных в книге условиях государство не обязано следовать «гласу народа», оно должно идти впереди общественного мнения, формировать его в соответствии с потребностями демократического развития и приоритетом признанных ценностей, способствовать гуманизации нравов. В конечном итоге отношение к преступности и наказанию преступников, в том числе отношение к смертной казни, – это показатель цивилизованности, показатель нравственного здоровья общества.

Несомненно, важными и, главное, сообщающими новое знание следует признать рассуждения автора об эффективности смертной казни. Обобщая результаты значительного числа специальных исследований, выполненных в различное время и в разных странах, приводя весомые криминологические, психологические и политические аргументы, он формулирует вывод о неэффективности этой меры наказания и делает оптимистический и в то же время сдержанный, реалистический прогноз на перспективы ее применения в глобальном контексте, который учитывает не только сложные и противоречивые тенденции развития преступности, но и внутреннюю противоречивость самой этой меры на уровне ее восприятия массовым и особенно индивидуальным сознанием.

В человеческом плане при обсуждении рассматриваемой проблемы оставаться абсолютно беспристрастным непросто. Но если все же подняться «над схваткой», над острой полемикой, которая идет в России по этому вопросу с середины XIX века, то не сложно будет заметить, что по одну сторону баррикад стоят «узкие специалисты» – известные ученые, наряду с разработкой других правовых и криминологических проблем положившие много лет и сил на специальные исследования смертной казни (А. Ф. Кистяковский, М. Н. Гернет, С. В. Бородин, С. Е. Вицин, В. Е. Квашис, С. В. Максимов, С. И. Никулин и др.). По другую сторону – не менее именитые юристы «широкого профиля», как правило, строящие свои позиции, исходя из «общих соображений»; за редким исключением, исследованиями этой проблемы они не занимались, в их аргументах доминирует эмоциональная перенасыщенность, а дефицит специальных знаний по этой теме приводит к наивной вере в эффективность максимальной жестокости, к обывательским рассуждениям, порой выходящим за пределы здравого смысла, а то и граничащим с абсурдом.

Логическим завершением представляемой работы является раздел «Куда идет смертная казнь?». Показывая динамику происходящих изменений, В. Е. Квашис отчетливо представляет стоящие перед мировым аболиционистским движением трудности на пути широкомас-

штабной отмены этой архаичной меры наказания. «Человечество еще не пришло к желанной интеграции, – пишет автор, – у каждого народа свое отношение к этой мере, своя история, своя боль. И потому половина населения планеты еще живет со смертной казнью». Успехи мирового движения за ее отмену очевидны, и их не следует недооценивать. Но у этого движения впереди еще не простой и довольно продолжительный путь. Анализируя динамику этого движения и его результаты, автор обоснованно полагает, что сегодня основные усилия должны быть скорректированы таким образом, чтобы они стали не столько глобальными, сколько максимально адресными. Это означает, что эти усилия должны быть сфокусированы, прежде всего, на основных «болевых точках» (в первую очередь, на практике КНР, которая ежегодно дает миру львиную долю смертных приговоров и казней).

Разговор о достоинствах книги можно было бы продолжить. Читатель сам сможет убедиться в этом и найти еще многое из того, что мной не отмечено. Я же хочу еще раз обратить внимание на присущий автору оригинальный, четкий, порой захватывающий стиль изложения. Вероятно, не так просто столь интересно и познавательно вести разговор по «избитой» теме, не повторяя сказанного, писать о сложной политико-юридической проблеме так, чтобы было понятно и профессору, и студенту, сказать о многом, не используя лишних слов, заменяя их отнюдь не сухими статистическими выкладками, повышая информативность материала и обеспечивая существенный прирост нового научного знания. По моему ощущению, монография В. Е. Квашиса – это, если угодно, **энциклопедия смертной казни в современном мире**, включающая в себя и личный месседж автора. В этом смысле рассматриваемая работа, вероятно, больше, чем «просто книга», больше, чем очередное традиционное научное издание.

Вполне возможно, эта работа не свободна от тех или иных недочетов. Но, во-первых, их критический разбор не входит в нашу задачу, а, во-вторых, и это главное, ее достоинства, конечно же, значительно перевешивают возможные упущения. Убежден, что монография В. Е. Квашиса привлечет внимание широкого читателя, найдет живой отклик не только среди юристов. Она не в последнюю очередь адресована тем, в чьей компетенции принятие решений в деле определения стратегии уголовной политики. Написанная преимущественно на материале зарубежных стран, различных по своим социально-экономическим, культурным, историческим и политико-правовым параметрам, она нужна российским ученым и политикам, поскольку привносит в дискуссию о смертной казни то, чего в ней было явно недостаточно. А факты, как известно, вещь упрямая. Оперировать ими намного сложнее, чем вести эмоциональную, но по сути схоластическую, дискуссию. Публикация этой фундаментальной книги, конечно, не поставит точку в многолетней полемике, но, я уверен, придаст ей новый импульс и новый вектор.

Отрадно отметить, что эта содержательная работа выходит в свет в канун юбилея В. Е. Квашиса. Хочу пожелать книге успеха, а самому автору – здоровья, благополучия и новых творческих удач.

*Ю. Е. Пудовочкин,
доктор юридических наук,
профессор*

Введение

Тема смертной казни всегда и везде занимала особое место в общественном сознании. Во все времена она была обречена на особое внимание и не знала границ общественного интереса. Смертная казнь всегда была явлением социальным; это особый культурный и социально-психологический феномен, которому вовсе не случайно посвящена обширная философская, историческая, юридическая и художественная литература.

Проблема смертной казни, в самом деле, всеобщий аллерген. Видимо, поэтому в ней, как и в футболе, например, разбирается каждый: здесь все все знают, но, в отличие от футбола, почти все болеют только за одну команду – расстрельную. В пристальном интересе людей к этой мере есть, вероятно, нечто сакральное, с давних времен связанное с парадоксальным и в наше время непостижимым желанием людей наблюдать казнь себе подобных. И в психологическом плане, и исторически такое отношение людей к смертной казни обусловлено тем, что в основе ее применения лежит принцип возмездия, древнейший обычай отмщения, часто связываемый с принципом талиона. А уж по способам лишения жизни себе подобных человечество издавна проявляло особую выдумку, размах и изобретательность – не зря казни всегда собирали толпы людей².

Смертная казнь относится к числу проблем, внимание к которым имеет маятниковый характер. У общественного интереса к этой проблеме всегда были свои приливы и отливы – временами бурная дискуссия на эту тему затухала, а затем вспыхивала с новой силой. Приливы, как правило, возникают в периоды смуты, неустойчивости в обществе, на исторических переломах, в период «великих перемен», когда законы уже не «работают», а вакханалия насилия все больше становится явлением обыденным. Стремясь вернуть нормальное течение жизни, люди, вместо протеста против неспособности власти противостоять разгулу преступности, часто обращаются к самым радикальным идеям, среди которых идея смертной казни традиционно является наиболее привлекательной³. Полемика в любом обществе по этому поводу всегда ведется в высшей степени эмоционально, поскольку зачастую совершаемые преступления поражают своей трудно объяснимой жестокостью и повергают людей в шок. На этой почве даже у некоторых ученых-юристов рождаются радикальные идеи, несовместимые с элементарными нормами правового государства.

Именно такие идеи, основанные на эмоциях, эксплуатируют политики. Во все времена они выдвигают лозунг «Сейчас не время прикрываться гуманистическими идеями!». Они понимают, что смертная казнь – древнейший культурно-исторический институт и уже в силу этого его влияние на массовое сознание имеет огромную силу. Прорываясь к власти, решая свои сиюминутные задачи или же просто желая напомнить о себе, они не думают о том, что «использовать смертную казнь для мелкого политиканства – все равно что раскошегаривать спящий Везувий для приготовления утреннего кофе»⁴. Пока они не у власти, они не задумываются над тем, что в силу своей психологической природы тема смертной казни отвлекает внимание общества от проблем неизмеримо более сложных и важных. Еще хуже, когда эту тему эксплуатируют сознательно, когда на этих струнах играют те, кто у власти.

² «С тех пор, как существует человечество – существует казнь. Сколько наказаний придумал зловерный человеческий род – и поручил Исполнителю. И все – с изощренными, изобретательными муками!.. Люди придумали сдирать кожу с живых, варить их в кипятке, сажать на кол... О, изобретательное человечество! А эти тысячные толпы, приходящие глазеть на мучения... Им интересно!» (*Радзинский Э. Прогулки с палачом // Загадки истории. М., 2007. С. 389–390.*)

³ См.: *Голик Ю. В. Философия уголовного права: современная постановка проблемы // Философия уголовного права. СПб., 2004. С. 34.*

⁴ *Соколов М. Игры при эшафоте // Известия. 2001. 21 июня.*

«Смертная казнь считает годы своего существования тысячелетиями, а свои жертвы – миллионами»⁵. Как узаконенный вид наказания она появилась одновременно с появлением институтов власти, при переходе к обществу, регулируемому закрепленными нормами и правоотношениями. С тех пор практика смертной казни обрела свою собственную историю и настолько глубоко вошла в область фактов⁶, что почти до конца XVIII века никто и не думал отрицать законность этой меры наказания.

Как известно, одним из первых, кто осмелился сделать это, был выдающийся итальянский просветитель и гуманист Ч. Беккариа, чьи быстро набиравшие популярность воззрения устремили самые смелые умы того времени – Вольтера, Руссо и Монтескье. В своем широко известном труде «О преступлениях и наказаниях» (1764 г.) он сформулировал основные этические, уголовно-политические и юридические аргументы против смертной казни, убедительно доказывая на историческом опыте реальную возможность отказа от этой меры без каких-либо потрясений, показывая, что излишне суровые наказания лишь ожесточают нравы людей.

Ч. Беккариа исходил из того, что человек сам не властен в собственной жизни, сам не имеет права располагать ею и не может отказаться от нее. Как же он может отчуждать ее другому? Жизнь человека неприкосновенна: ни индивидуум, ни общество не имеют права над ней, поскольку она дается свыше, а не законами и декретами. «Мне кажется абсурдом, – писал Ч. Беккариа, – когда законы, которые порицают убийства и карают за него, сами совершают то же самое. И для того, чтобы удержать граждан от убийства, предписывают властям убивать».

Прошли века, идеи Ч. Беккариа постепенно стали обретать реальные очертания и в теории уголовного права, и на практике⁷. XX век, вероятно, дал миру больше перемен, чем любой другой. Во многих областях общественной жизни, в росте экономических и демократических преобразований достигнут очевидный прогресс. И все же, каждый век, похоже, имеет свое средневековье. В самом деле, именно в XX веке было казнено больше людей, чем в любом другом. Поэтому анализ проблемы смертной казни с точки зрения защиты фундаментальных прав человека меняет расстановку акцентов и требует иных подходов. Главным при этом должно быть осознание того, что проблема смертной казни неотделима от концепции прав человека и несовместима с ней, ибо казнь попирает права человека и, прежде всего, его право на жизнь. При таком подходе *смертная казнь – это не столько правовая проблема, сколько проблема гуманитарная и нравственная*. В качестве таковой она актуальна в том смысле, что меняется парадигма развития человеческой цивилизации⁸. Неизбежно меняется время и, чтобы ни говорили, как бы ни срабатывали рефлекс и инстинктивные желания возмездия, общая психологическая атмосфера во вступающем в новую эпоху человеческом обществе хотя и медленно, но все же постепенно меняется. На этом фоне смертная казнь во все большей степени становится рудиментом современной истории; государство теряет право убивать своих граждан, какие бы преступления они ни совершали. Именно в таком контексте рассматривает институт смертной казни международное правозащитное движение, и именно такой подход к исследованию высшей меры наказания следует считать приоритетным и наиболее перспективным.

⁵ Гернет М. Н. Смертная казнь. М., 1913. С. 3.

⁶ В огромном море художественной литературы, посвященной этой теме, следует выделить драму И. Шиллера «Мария Стюарт» (1800 г.), которую называли «драмой наказания». Практически одновременно с Ч. Беккариа И. Шиллер показал социальную несостоятельность и варварство смертной казни, принципиальную несовместимость идеи правосудия с насилием.

⁷ Идеи Ч. Беккариа почти дословно воспроизведены в так называемом парадоксе комиссара Совета Европы по правам человека Т. Хаммарберга: «Государство убивает человека для того, чтобы доказать, что убивать нельзя».

⁸ Выдающиеся российские юристы – Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий, А. А. Жижиленко – обстоятельно аргументировали необходимость отмены смертной казни. «Смертная казнь есть, несомненно, институт вымирающий; она должна совершенно уничтожиться, это необходимое заключение, к которому приводит историческое рассмотрение этого института... Существование смертной казни не может быть оправдано; она излишня, нецелесообразна, а, следовательно, и несправедлива» (Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. М.: Добросвет, 2000. С. 147).

Распространенность смертной казни принадлежит к числу явлений, которые дают определенное представление о характере современной цивилизации. Это относится и к цивилизации в целом, и в еще большей мере – к ситуации в отдельных регионах мира и государствах. Достаточно вспомнить, как в XVI–XVII веках Европа пылала кострами инквизиции, какие обороты набирал в первые годы советской власти «красный террор» в России, что творили «великие вожди мирового пролетариата», какая истерия и какое единодушие масс сопровождали очередные кампании террора.

Смертная казнь – это не только инструмент уголовной политики, но и социокультурный феномен. Отношение к этой мере наказания – вопрос нравственной доминанты каждого человека; отношение к ней общества – индикатор господствующих в нем нравов и умонастроений, показатель того, насколько оно прониклось идеями справедливости, гуманизма и цивилизованности. Не зря У. Черчилль в свое время заметил, что настроения и прихоти общества в отношении к преступности и преступникам – самая надежная проверка на цивилизованность любой страны.

На рубеже XXI века глобальные тенденции в применении смертной казни претерпели существенные изменения – все шире и последовательнее мировое сообщество идет к ее отмене и ограничению, все заметнее усилия аболиционистского движения. Они значительно изменили масштабы и географию смертной казни (от нее уже отказались две трети государств), оказали мощное воздействие на умонастроения и взгляды политических лидеров, миллионов людей на всех континентах, заставили переосмыслить отношение к этой мере наказания, пополнили мировое информационное пространство гуманистическими идеями ценности человеческой жизни.

И все же человечество еще не пришло к желанной интеграции – у каждого народа свое отношение к проблеме смертной казни, своя история, своя память, своя боль. Поэтому общественное мнение в разных странах по-разному относится к преступности, к мерам наказания, иначе говоря, различается по уровню ригоризма. Отсюда и различное отношение к высшей мере наказания. Между тем сегодня *половина населения планеты все еще живет со смертной казнью*. Более того, нередко и в России, и за рубежом раздаются настойчивые призывы еще шире применять эту меру, вернуться к ней там, где она была отменена.

Особое место проблема смертной казни всегда занимала и занимает в уголовно-правовой и криминологической литературе. И это неудивительно – едва ли можно найти другую проблему, которая могла бы поспорить с ней по своей притягательной силе, по остроте полемики и полярности взглядов.

Формировавшийся несколько веков набор аргументов «pro» и «contra» к началу XXI века практически не изменился. В связи с этим в литературе часто отмечается, что вопрос «**за** или **против** смертной казни» исчерпал себя в том смысле, что за столетия дискуссии все доводы давно известны и вряд ли могут появиться новые. «Меняются лишь акценты в зависимости от того, политические, юридические, культурологические или иные аспекты темы преобладают в конкретной ситуации в дискуссии»⁹.

Это и верно, и не совсем верно – в том смысле, что, к сожалению, проблема еще остается незакрытой, что все эти аспекты проблемы неразрывно взаимосвязаны. Наконец, это не совсем верно в том смысле, что мир во многих отношениях существенно изменился, сложились новые реалии общественного бытия, новым содержанием и смыслом наполнились наиболее важные понятия и ценности современной цивилизации. Под влиянием различных факторов политической, экономической и культурной жизни постепенно меняются общественные умонастроения; дискуссия по проблеме смертной казни получает новые импульсы, ибо научное переосмысле-

⁹ Гилинский Я. И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Курс лекций. СПб.: Питер, 2002. С. 48.

ние законодательства, судебной практики и практики исполнения смертных приговоров в разных странах, новые методы анализа растущего массива статистической информации и эмпирического материала все больше обогащают фактологию предмета.

Полтора века назад видный российский исследователь А. Ф. Кистяковский по этому поводу справедливо заметил, что «обилие сочинений и общеизвестность предмета дают иногда повод думать, что смертная казнь – вопрос избитый»¹⁰. Парадоксально, но именно кажущаяся «общеизвестность» – один из ключевых моментов для понимания непреходящего интереса людей к этой, на самом деле, весьма сложной, многоплановой и противоречивой проблеме.

Другое дело, что аргументы сторонников и противников смертной казни, действительно, весьма обстоятельно исследованы в огромном потоке монографической литературы и потому сравнительно легко поддаются систематизации и классификации. Условно их можно разделить на три группы. В первую входят аргументы рациональные, когда обе противоположные стороны доказывают влияние или, наоборот, отсутствие влияния смертной казни на состояние преступности и, прежде всего, на динамику убийств. Ко второй группе относятся аргументы эмоциональные, когда требование сурово наказать убийцу не нуждается ни в каких объяснениях – душа требует отмщения. Наконец, третью группу составляют аргументы метафизического плана, когда обе стороны обосновывают свою позицию апелляцией к «вечным» ценностям, не зависящим от пристрастий, – законам Природы, Справедливости, Божества, Милосердия и т. п.¹¹

Продолжение полемики, которая развела многих выдающихся деятелей культуры, политики, юстиции, науки по разные стороны баррикад, само по себе не входит в задачу этого исследования и, во всяком случае, не является самоцелью. Куда более перспективным для осмысления реального положения вещей представляется знакомство с современной практикой применения смертной казни в различных регионах мира, в странах с различными правовыми системами, с результатами новейших исследований, с тем чтобы значительно повысить информативность материала, предлагаемого вниманию заинтересованного читателя, и на этой основе повысить уровень дискуссии за счет более широкой и во многом не известной российскому читателю фактологии предмета.

Несколько слов о не совсем обычной структуре работы. Знакомство с современной ситуацией в глобальном контексте начинается с регионального обзора положения дел главным образом в тех государствах Азии, Ближнего Востока и Африки, где сосредоточены основные очаги сопротивления движению за отмену смертной казни и, главное, где эта мера применялась и применяется наиболее широко и интенсивно. Этот обзор в основном охватывает конец XX и начало XXI века. Может показаться, что раздел выглядит обособленным, оторванным от других. Возможно, это верно, но здесь исходными были следующие соображения.

Во-первых, с момента первой в СССР публикации обзора мировой практики применения смертной казни, подготовленного «Международной амнистией», прошло более 20 лет¹²; с тех пор многое изменилось, изменился мир, распался СССР, на карте мира появился целый ряд новых государств. В названном обзоре описывалось положение дел во всех странах мира, в том числе и в тех, где смертная казнь была давно отменена. Поэтому информация по каждой стране носила весьма лаконичный и в основном справочный характер. Исходя из целей настоящей работы, в ней, как отмечалось, выделена и более подробно рассматривается ситуация в тех регионах и странах, где смертная казнь применялась и еще применяется наиболее широко.

Во-вторых, всегда крайне важно учитывать фон, на котором развиваются те или иные процессы. Поскольку речь идет о практике применения смертной казни в странах, суще-

¹⁰ Кистяковский А. Ф. Исследование смертной казни (изд. 1867 г.). Тула, 2000. С. 6.

¹¹ См.: Мелихов А. Казнить нельзя помиловать // Время МН. 2001. 27 июня.

¹² См.: Когда убивает государство. Смертная казнь против прав человека / Под ред. С. Г. Келиной. М., 1989.

ственно отличающихся по уровню политического, экономического и культурного развития, важно иметь в виду, что связанные с ней или опосредующие ее применение трансформации и мутации преступности, с одной стороны, и уголовной политики – с другой, так или иначе, всегда находятся в русле масштабных политических, экономических, культурных и иных изменений в жизни общества. Именно эти изменения являются тем фоном, который следует учитывать при анализе практики применения того или иного института уголовной политики в конкретной стране.

Так, применение смертной казни в Сомали, Судане и других странах Африки идет на фоне многолетней гражданской войны и территориальной раздробленности этих стран. А применение этой меры наказания, скажем, в Пакистане, Иране и Саудовской Аравии нельзя рассматривать в отрыве от фонового процесса исламизации общественной жизни и существования параллельных систем гражданской и шариатской юстиции.

Наконец, первый раздел работы взаимосвязан и по замыслу перекликается с последним разделом, где речь идет об итогах и перспективах аболиционистского движения, ибо нельзя в глобальном контексте понять и оценить политику и практику применения смертной казни, *нельзя представить реальную картину смертной казни в современном мире, исходя лишь из количества стран, сохранивших и отменивших эту меру наказания.*

В следующих трех главах книги подробно исследуется многолетняя практика применения смертной казни в США и Японии, ибо из наиболее индустриально развитых стран только эти две страны сохранили и применяют, хотя и в разных масштабах, наказание в виде смертной казни. Именно эти страны являются принципиальными противниками отмены смертной казни, но и система законодательства, регулирующего ее применение, и практика борьбы с преступностью, и масштабы применения этой меры в США и Японии друг от друга резко отличаются. Здесь период наблюдений за практикой применения смертной казни куда более продолжительный, чем в других странах, – свыше 30 лет для США и свыше 50 лет для Японии.

О положении дел в США, о практике борьбы с преступностью и применении мер наказания известно, конечно, намного больше. А по проблематике смертной казни, как еще 20 лет назад отмечал Ф. М. Решетников, «накопилось уже попросту необозримое количество публикаций как общего плана, так и специальных криминологических и юридических работ...»¹³. Знакомясь с ними в библиотеках университетов ФРГ, Канады, США, Японии и других стран, могу засвидетельствовать, что в последующие годы число такого рода исследований росло в геометрической прогрессии (это к вопросу об «общеизвестности» проблемы). Тем не менее в российской периодической печати информация о практике применения смертной казни в США носит хаотичный, обрывочный и не всегда точный характер, и потому достаточного представления о реальном положении дел в этой сфере еще не имеется.

Что же касается Японии, ее законодательства, судебной практики, тенденций преступности, роли исторических, культурных и психологических факторов в формировании уникальной системы противодействия этому явлению – обо всем этом и широкому читателю, и даже специалистам известно гораздо меньше. Точнее сказать, почти не известно. Поэтому информация о том, что связано с анализом уголовной политики США, характером общественного мнения, распространенностью судебных ошибок и т. д., – все это «растворено» по соответствующим разделам книги. А все, что касается ситуации в Японии, в основном сконцентрировано в рамках двух специальных глав.

Вторая часть работы посвящена общим и в то же время самостоятельным вопросам темы – эффективности смертной казни; опыту применения альтернативной меры; состоянию общественного мнения; фактору судебной ошибки; тенденциям в применении смертной казни и перспективам мирового движения за отмену этой меры наказания.

¹³ Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 503.

Работая над этой книгой, автор, конечно же, сознавал неполноту данных мировой и национальной уголовной статистики, а тем более неполноту, фрагментарность, а то и очевидную искаженность фактических данных о применении смертной казни в ряде стран, долгие годы скрывающих статистику применения этой меры наказания. Поэтому, используя различные методы анализа и множество дополнительных источников информации, автор старался сосредоточить основное внимание на выявлении объективных тенденций. Эти тенденции иллюстрируют десятки таблиц, графиков и диаграмм, вобравших в себя все многообразие статистического и эмпирического материала.

Сбором материала и подготовкой этой монографии автор занимался, как минимум, 15 лет. Это связано не только с его многочисленными личностными недостатками и свойствами, в частности, заставлявшими много раз переделывать ту или иную фразу или вновь уточнять те или иные показатели, которые, кстати говоря, в более поздних статистических документах той или иной страны зачастую меняются. Главная причина в том, что с середины 90-х годов и правоприменительная практика, и динамика тяжких преступлений в наиболее развитых странах стали существенно меняться. Такое развитие криминологической ситуации явно противоречило мрачным прогнозам некоторых российских криминологов, опиравшихся на статистику 1980–1995 годов. Но именно с середины 90-х годов маятник насильственной преступности в наиболее развитых странах стал менять направление хода. Отсюда понятное желание охватить как можно более длительный период наблюдений, с тем чтобы определить, не идет ли речь о «временных исключениях» (В. В. Лунеев) и в какой мере эти изменения являются закономерными¹⁴. Для настоящей работы это имело особое значение, ибо, казалось бы, чем меньше убийств, тем меньшими должны быть масштабы применения смертной казни. Исследование показало, однако, примитивность и ущербность такого подхода, на котором, по сути, и строится мифологическая теория устрашения суровыми санкциями и их роли в деле предупреждения тяжких преступлений.

В предлагаемой вниманию читателя монографии анализируется глобальная картина применения смертной казни в современной мировой практике. Она основана на материалах международной и национальной уголовной статистики, документах ООН, Совета Европы, отчетах международных и национальных аболиционистских и правозащитных организаций, на весьма обширной специальной литературе, материалах зарубежной прессы, документах многочисленных международных конгрессов и конференций, в работе которых участвовал автор, и, наконец, на личных наблюдениях и ощущениях в ходе изучения положения вещей во многих странах Европы, Азии, Африки и Америки.

С момента выхода в свет первого издания этой работы минуло почти три года. Срок небольшой, но за это время произошло многое и в стране, и в мире в целом, где тенденция глобального сокращения сферы применения смертной казни продолжила свое развитие. Появилась необходимость вновь обратиться к этой проблеме и в России, где к началу 2010 года истекали все отсрочки для повсеместного формирования судов присяжных и для судебной практики возникала ситуация правовой неопределенности относительно перспективы применения наказания в виде смертной казни. Отсюда и появление известного запроса Верховного Суда РФ в Конституционный Суд РФ, и принятие во многих отношениях необычного (особенно по характеру аргументации) определения Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 года, поставившего крест на практике применения смертной казни в России.

¹⁴ См.: Наумов А. Существуют ли пределы роста преступности? // Уголовное право. 2005. № 3; Квашиш В. Преступность в США: реальность позитивных изменений или «временное исключение»? // Там же. № 5.

Кажется невероятным, но это факт, – не только для широкой общественности и средств массовой информации, но и для научного сообщества юристов это исключительно важное решение прошло практически *незамеченным*, его как бы вообще и не было. Парадокс этой ситуации в том, что речь не о документе технико-юридического характера, а о важнейшем решении *политическом*.

Удивляет молчание наиболее активных сторонников смертной казни, для которых, похоже, вопрос о легитимности решения Конституционного Суда остается открытым. На фоне заметного обострения социальных проблем, связанных с глобальным финансовым кризисом, по поводу этого решения ни звука не проронили ни исполнительная, ни законодательная власть! Между тем это решение Конституционного Суда РФ, по логике вещей, должно иметь самые прямые правовые последствия – изъятие смертной казни как вида наказания из Конституции страны и Уголовного кодекса РФ.

Время идет, текущих проблем и острейших ситуаций хватает с избытком. Прошел год, но реакции на указанное решение Конституционного Суда по-прежнему нет. Очевидным является нежелание властей будоражить реализацией этого решения общественные умонастроения – они и без того весьма накалены различными социальными потрясениями. Но, как бы то ни было, обращаться к этой проблеме придется, ибо «другого пути назад» уже нет. И чем раньше будет преодолена эта более чем странная политико-юридическая ситуация, тем лучше.

В этой книге есть несколько главных выводов, которые я не уставал повторять на протяжении всей работы, потому что для меня они кажутся принципиальными и без них не объяснить моего понимания проблемы. Я отдаю себе отчет в том, что моя позиция является не слишком популярной не только среди широкого читателя, но и у ряда уважаемых мною коллег. Я понимаю, что переубедить сторонников смертной казни – дело практически безнадежное и неблагодарное, ибо эмоции нельзя преодолеть никакими доводами и фактами... Мои аргументы приводились годами, каждый раз я старался дополнить их новой информацией, расширяющей фактологию предмета. Поэтому я надеюсь, что заинтересованный в проблеме читатель, по крайней мере, найдет в этой работе довольно большой объем материала, который не публиковался в России и уже хотя бы в силу этого окажется для него небесполезным.

Я хотел бы выразить свою сердечную признательность видным ученым – профессору А. В. Федорову и доктору юридических наук В. С. Овчинскому – за помощь в публикации этого исследования. Это тем более важно, что наши взгляды на проблему в ряде отношений не совпадают. Я также хотел бы выразить благодарность профессору Ю. Е. Пудовочкину за обстоятельное экспертное представление этой работы, которое публикуется и в ее новом издании.

Глава 1. Смертная казнь в странах Азии, Ближнего Востока и Африки

1.1. Центральная Азия

Казахстан

Занимая больше 6 % территории всей Азии, Казахстан входит в десятку крупнейших стран мира. С 1993 года в стране последовательно развивается позитивная тенденция в динамике преступности, которая в абсолютном выражении сократилась с 206 до 141 тыс. преступлений, а уровень преступности в расчете на 100 тыс. населения снизился с 1210 до 920 преступлений¹⁵.

С 1 января 1998 года вступил в действие новый Уголовный кодекс РК, сокративший сферу возможного применения смертной казни с 34 до 17 статей (18 составов преступлений). Согласно ст. 15 Конституции РК, «смертная казнь устанавливается законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления с предоставлением приговоренному права ходатайствовать о помиловании». Интересно, что в ходе подготовки и принятия УК РК из текста статьи о смертной казни (ст. 49) перспектива возможной отмены этой меры наказания была исключена (хотя такая презумпция была даже в ранее действовавшем УК).

Согласно ч. 1 ст. 49 УК, смертная казнь «как исключительная мера наказания может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь человека, а также за совершаемые в военное время или в боевой обстановке государственную измену, преступления против мира и безопасности человечества и особо тяжкие воинские преступления».

В ч. 2 ст. 49 УК зафиксировано, что смертная казнь не назначается женщинам, а также лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет, и мужчинам, достигшим к моменту вынесения приговора 65-летнего возраста. При введении Президентом Республики моратория на исполнение приговора о смертной казни исполнение такого приговора приостанавливается на время действия моратория (ч. 3 ст. 49 УК).

Согласно ч. 4 ст. 49 УК, смертный приговор приводится в исполнение не ранее чем по истечении одного года с момента его вступления в силу, а также не ранее чем по истечении одного года после отмены моратория на исполнение смертной казни.

В качестве альтернативы смертной казни вводилось пожизненное лишение свободы, хотя оно не было включено в систему наказаний и оставалось разновидностью лишения свободы, повторяя судьбу смертной казни, которая долгое время оставалась за рамками лестницы наказаний. Согласно ч. 5 ст. 49 УК, смертная казнь «в порядке помилования может быть заменена пожизненным лишением свободы на срок 25 лет с отбыванием наказания в исправительной колонии особого режима. Лица, приговоренные к смертной казни, в случае отмены моратория на исполнение смертной казни имеют право ходатайствовать о помиловании независимо от того, ходатайствовали ли они об этом до введения моратория или нет». Заметим, что законодатели учли российский опыт появления новой меры в виде пожизненного лишения свободы и, кроме того, более полно отразили в указанной норме процессуальный аспект, связанный и с особенностями действия моратория, и с правом ходатайства о помиловании.

¹⁵ См.: Мауленов Г. С. Криминологическая характеристика преступности в Республике Казахстан // Ежегодник российского уголовного права 2006. Вып. 1. СПб., 2007. С. 506.

Еще одним важным новшеством УК явилось, как отмечалось, введение нормы о годичной отсрочке исполнения смертных приговоров после их вступления в законную силу, которая, очевидно, была призвана снизить вероятность судебной ошибки.

Законом РК «О внесении изменений и дополнений в Конституцию РК» от 7 октября 1998 года в ст. 75 Конституции было внесено дополнение, по которому в случаях, предусмотренных законом, уголовное судопроизводство осуществляется с участием присяжных заседателей. Примечательно, что это новшество было привнесено только в раздел «Суды и правосудие», а не в ст. 15 Конституции РК, которая регламентирует вопросы права на жизнь и применения смертной казни¹⁶.

Обсуждение перспективы возможной отмены смертной казни в конце 90-х годов XX века в парламенте и других властных структурах страны вызывало столь ожесточенное сопротивление, что в Республике стало открыто дебатироваться шокировавшее общественность предложение директора Центра хирургии М. Алиева «разбирать» тела приговоренных к смертной казни на донорские органы, тем более что число казненных в этот период было значительным¹⁷.

В самом деле, к концу 90-х годов Казахстан по распространенности казней занимал одно из первых мест в мире¹⁸, хотя статистика казней оставалась закрытой. В документах «Международной амнистии» в связи с этим отмечалось, что к концу 2002 года продолжается осуждение к смертной казни большого числа людей и состоялось большое число казней¹⁹.

В Концепции правовой политики Республики Казахстан от 20 сентября 2002 года и в Послании Президента страны Н. Назарбаева к народу Казахстана «Основные направления внутренней и внешней политики на 2004 год» от 4 апреля 2003 года отмечалось, что реализация уголовной политики должна развиваться в соответствии с принципами уголовного права и включать в себя принятие комплекса законодательных мер, направленных на сужение сферы применения смертной казни и рассмотрение возможностей введения моратория на смертную казнь, на создание организационных, материальных и законодательных условий для решения вопроса о введении такого вида наказания, как пожизненное лишение свободы. А уже 17 декабря 2003 года Указом Президента был введен мораторий на исполнение смертных приговоров «до решения вопроса о ее полной отмене».

Указ предусматривал приостановление исполнения смертных приговоров и содержал поручение правительству внести в парламент законопроект, направленный на введение пожизненного лишения свободы как реальной альтернативы смертной казни. При этом указывалось, во-первых, что сама смертная казнь как вид наказания не отменяется, а лишь приостанавливается исполнение уже вынесенных судами приговоров, и, во-вторых, отмечалось, что мораторий является бессрочным, но при необходимости может быть отменен²⁰.

Принятый 10 марта 2004 года во исполнение Указа от 17 декабря 2003 года Закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы РК» уточнил, что под действие названного Указа подпадают лица, в отношении которых имеется приговор, вступивший в силу до введения моратория или во время его действия. (Хотя, по данным «Международной амнистии», в ноябре, накануне издания этого Указа, были казнены четверо осужденных.)

В апреле 2004 года Казахстан подписал с Советом Европы первое соглашение о взаимном сотрудничестве, обязавшись полностью отменить смертную казнь и ежегодно предоставлять отчеты об успехах в деле установления верховенства права.

¹⁶ См.: Шаймерденов К. Смертная казнь в Казахстане: de lege lata et ferenda // Российская юстиция. 1999. № 12. С. 48.

¹⁷ См.: Московские новости. № 9. 1998. 8-15 марта.

¹⁸ См.: Hood R. The Death Penalty: A World-wide Perspective, 2002. P. 92–93; AI Index: EUR 01/003/2001 «Concerns in Europe, January-June 2001».

¹⁹ См.: AI Index: EUR 01/007/2002 «Concerns in Europe, January-June 2002: Kazakstan».

²⁰ См.: Казахстанская правда. 2003. 19 декабря.

К концу 2004 года, по данным Генеральной прокуратуры РК, в тюрьмах страны содержалось 27 осужденных к высшей мере наказания. Как показал ретроспективный анализ, в 1997–2004 годах наблюдалась отчетливая тенденция к последовательному сокращению выносимых судами смертных приговоров. Так, если в 1997 году такие приговоры были вынесены 64 осужденным, в 1998 и 1999 годах – 63, в 2000 – 40, в 2001 – 39, в 2002 – 22, в 2003 – 17, а в 2004 году – 5 осужденным²¹.

В августе 2006 года в Казахстане был вынесен один смертный приговор, а в декабре того же года Палата по уголовным делам Верховного суда начала рассмотрение апелляции осужденного и проверку обоснованности этого приговора²².

Ожидалось, что до конца 2007 года страна завершит все процедуры, связанные с отменой смертной казни. В связи с этим в Отчете «Международной амнистии» за 2006 год (правда, применительно к Центральной Азии в целом) отмечалось: «Смертная казнь уходит в прошлое, но сделано пока недостаточно»²³.

Казахстан выполнил свои обязательства, однако в правовом плане было принято довольно оригинальное законодательное решение, коренным образом отличающееся от формул, принятых другими странами, ранее входившими в состав СССР. Заодно Казахстан «подсказал» и формулу решения, на наш взгляд, вполне приемлемую и для современного положения дел в России. Понятно, что речь идет не о нюансах юридической техники, а о принципиальных изменениях, которые необходимы для внесения в конституцию.

Так, в п. 2 ст. 15 Конституции Казахстана в редакции Закона от 21 мая 2007 года «О внесении изменений и дополнений в Конституцию РК» зафиксировано: «Никто не вправе произвольно лишать человека жизни. Смертная казнь устанавливается законом как исключительная мера наказания за террористические преступления, сопряженные с гибелью людей, а также за особо тяжкие преступления, совершенные в военное время, с предоставлением приговоренному права ходатайствовать о помиловании». С учетом такого рода принципиальных изменений в Конституции РК внесены изменения и дополнения в ст. 49 УК РК, где регламентировались вопросы, связанные с применением наказания в виде смертной казни²⁴.

Таким образом, при всех паллиативных моментах указанной юридической формулы Казахстан вошел в число стран, которые «Международная амнистия» относит к категории отменивших смертную казнь за совершение общеуголовных преступлений в мирное время. При этом все смертные приговоры в отношении 31 осужденного были заменены пожизненным лишением свободы²⁵.

Кыргызстан

Кардинальные изменения в экономике, политике, в социальных отношениях, происшедшие с начала 90-х годов в связи с распадом СССР, весьма негативно сказались на состоянии правопорядка и преступности в стране. Уже к 1992 году уровень преступности в Кыргызстане, по сравнению с 1986 годом, вырос в 3,2 раза, а число преступлений в расчете на 100 тыс. населения выросло до 989. За 10 лет, с 1986 по 1995 год, умышленные убийства, например,

²¹ См.: Борчаишвили И. Ш. Резерв для совершенствования УК Республики Казахстан // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права в свете Концепции правовой политики Республики Казахстан. Караганда, 2005. С. 12.

²² См.: AI Index: EUR 01/017/2006 «Europe and Central Asia: Summary of Amnesty International's concerns in the region, January-June 2006».

²³ AI Index: EUR 04/003/2006.

²⁴ Ibid.

²⁵ AI Index: ACT 50/003/2009.

выросли по абсолютным показателям в 3,6 раза, а среднегодовой темп их прироста составил 15,5 %²⁶.

К 2006 году уровень преступности в стране, по сравнению с 1986 годом, вырос в 2,5 раза. При этом рост преступности происходил на фоне почти полной потери контроля и управления в экономической, административной, финансовой и других сферах общественной жизни. Росту криминализации общества способствовало все более широкое включение в сферу преступной деятельности беженцев, мигрантов, несовершеннолетних, женщин и других, в социальном и экономическом плане менее защищенных, слоев населения.

Конец 90-х и начало 2000-х годов характеризует особенно заметный рост распространенности тяжких преступлений. В 1998–2005 годах доля тяжких и особо тяжких преступлений в общей структуре преступности составляла в среднем 49–50 %, а в отдельные годы доходила до 69,7 %²⁷.

Резкий рост коррупции, отсутствие связи с обществом, тотальный обман обнищавшего народа, целенаправленное стимулирование социального и экономического неравенства, двойные стандарты в политике и манипулирование общественным сознанием – все это привело к апогею социальной напряженности и мартовским событиям 2005 года в Бишкеке. Сложившуюся ситуацию безвластия и анархии криминальные элементы использовали для организации массового мародерства, разбойных нападений на предпринимателей и многих других противоправных действий, которые привели к резкому росту зарегистрированной преступности и еще большему росту латентной преступности.

Между тем с конца 1998 года в Кыргызстане продолжал действовать объявленный президентом О. Акаевым и ежегодно продлеваемый мораторий на исполнение смертных приговоров. И хотя все последующие годы суды продолжали выносить такие приговоры в значительном количестве, ни один из них в 1999–2007 годах не был приведен в исполнение. Отметим в этой связи, что, несмотря на высокий уровень тяжких преступлений, *Кыргызстан все эти годы оставался единственной страной во всей Азии, где мораторий соблюдался неукоснительно и где не было ни одной казни.*

К концу 2002 года в стране насчитывалось 160, а к началу 2005 года – 130 осужденных к высшей мере наказания. По официальным данным, только за июль 2004 года к смертной казни приговорили 31 осужденного²⁸. Ужесточение уголовной политики в те годы было связано с невиданной ранее распространенностью насилия, особенно с распространенностью наиболее тяжких насильственных преступлений²⁹.

Как сообщал уполномоченный по правам человека, в обеих тюрьмах, предназначенных для содержания осужденных к смертной казни, из-за переполнения и экономических трудностей, охвативших всю систему исполнения наказаний, сложилась крайне острая обстановка. В результате с 1999 по 2006 год в этих тюрьмах 73 осужденных умерли из-за болезни или покончили жизнь самоубийством; некоторые осужденные потеряли способность самостоятельно передвигаться, многие страдали от туберкулеза, потери зрения и других заболеваний³⁰.

В ноябре 2006 года в Кыргызстане была принята новая Конституция, которая *полностью отменила смертную казнь.*

²⁶ См.: Лунев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М., 1997. С. 107–108.

²⁷ См.: Джаянбаев К. И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с тяжкими насильственными преступлениями в Кыргызской Республике. Бишкек, 2005. С. 74.

²⁸ См.: AI Index: EUR 01/005/2004 «Europe and Central Asia: Summary of Amnesty International's concerns in the region, January-June 2004: Kyrgyzstan».

²⁹ См.: Джаянбаев К. И. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с тяжкими насильственными преступлениями в Кыргызской Республике. Бишкек, 2008. С. 58–61.

³⁰ См.: AI Index: EUR 01/007/2006 «Europe and Central Asia: Summary of Amnesty International's concerns in the region, January-June 2006: Kyrgyzstan».

Узбекистан

С конца 90-х годов, несмотря на некоторые законодательные и судебные реформы, проблема прав человека в этой стране вызывала все большую тревогу у международной общественности. Это, по оценкам зарубежных экспертов, находило свое отражение и в подавлении инакомыслия в гражданской, религиозной и политической жизни, и в широко распространенной практике получения доказательств путем пыток, и в практике применения смертной казни. В 2003 году специальный докладчик Комитета ООН по правам человека назвал секретность, связанную с вынесением смертных приговоров, «злонамеренной и равнозначной жестокому и бесчеловечному обращению по отношению к семьям заключенных»³¹.

Как отмечалось в отчете «Международной амнистии» за 2003 год, суды продолжали выносить смертные приговоры в рамках системы уголовного судопроизводства, изобилующей множеством недостатков, среди которых особенно выделялись коррупция и нежелание рассматривать заявления подсудимых о применении пыток. В 2003 году в Узбекистане было вынесено «как минимум» 18 смертных приговоров и казнены шестеро осужденных.

В декабре 2003 года парламент страны принял закон о сокращении сферы применения смертной казни, по которому число преступлений, наказуемых смертной казнью, снижалось с четырех до двух, однако этот декоративный акт, конечно, не мог изменить ситуацию. Ибо речь шла об исключении из УК лишь тех двух статей, которые и ранее не применялись, – это «геноцид» и «развязывание и ведение агрессивной войны».

Практика применения помилования, как и все, что касалось применения смертной казни, была окутана завесой секретности; родственники осужденных, подававшие жалобы, и правозащитники, выступающие за отмену смертной казни, подвергались угрозам и преследованиям.

В 2004 году, вопреки складывающейся в регионе тенденции к отмене смертной казни, в Узбекистане по-прежнему выносились тайные смертные приговоры. Родственникам и самим осужденным о дате приведения таких приговоров в исполнение не сообщалось; места захоронения казненных держались в тайне. Любые попытки открытого обсуждения проблемы смертной казни властями страны всячески пресекались.

О подлинном числе казненных и числе смертных приговоров судить было крайне сложно из-за отсутствия официальных данных. Правда, в декабре 2004 года Президент Узбекистана И. Каримов заявил на пресс-конференции, что в 2004 году в стране к высшей мере наказания было «приговорено порядка 50–60 человек»³². Однако это заявление, скорее, показывало неполноту информации, сообщаемой правозащитниками, нежели отражало реальную картину применения наиболее суровых мер уголовной репрессии.

В 2005 году смертные приговоры, по данным «Международной амнистии», выносились «десятками»; об их подлинном числе, как и о числе казней, судить по-прежнему не представлялось возможным из-за секретности такого рода информации. Ситуация с правами человека в стране оставалась крайне напряженной³³. Единственным знаменательным событием года стал Указ Президента от 1 августа 2005 года, согласно которому с 1 января 2008 года смертная казнь в Узбекистане будет отменена.

Несмотря на это важное решение, мер, подобных установлению моратория на исполнение смертных приговоров, как это было сделано, например, в Казахстане и Кыргызстане, власти не приняли. И хотя правительственные сообщения утверждали, что в 2006 году смертные приговоры судами страны не выносились, данные правозащитных организаций указывали на то, что смертные приговоры все же были вынесены восьми осужденным.

³¹ См.: AI Index: EUR 62/011/2003; AI Index: EUR 62/012/2003.

³² См.: AI Index: EUR 01/016/2003 «Concerns in Europe and Central Asia, January-June 2003: Uzbekistan».

³³ См.: AI Index: EUR 62/021/2005.

В 2008 году смертная казнь в Узбекистане была полностью отменена (за все преступления).

1.2. Юго-Восточная Азия

К Юго-Восточной Азии относятся шесть из десяти самых густонаселенных стран мира; здесь проживает 56 % всего населения планеты. Большинство стран этого региона игнорировало многократные призывы ООН к сокращению и последующей отмене смертной казни; последние 10 лет на долю этих стран приходится абсолютное большинство казней и выносимых во всем мире смертных приговоров.

В настоящем разделе работы анализируется ситуация главным образом в тех странах региона, где применение смертной казни отличается наибольшей распространенностью и интенсивностью.

Отметим, прежде всего, что к концу XX – началу XXI века, несмотря на значительные темпы экономического роста в целом ряде государств региона, чрезвычайная бедность, дискриминация и грубые нарушения прав человека по-прежнему отягощали жизнь миллионов жителей азиатского континента. Во многих странах возобновлялись или продолжались вооруженные конфликты; под предлогом борьбы с терроризмом правительства ряда стран региона серьезно ограничивали права и свободы граждан. Усилия властей по расширению экономической свободы не были подкреплены необходимыми гарантиями свободы политической – она оставалась весьма ограниченной и имела очевидную тенденцию ко все большему свертыванию. Это особенно заметно в Китае, Вьетнаме и других странах Юго-Восточной Азии, где множество людей жестоко преследовались за выражение своих политических взглядов; преследованиям подвергались не только инакомыслящие, но и люди, использующие Интернет для распространения сведений о состоянии дел в сфере демократических свобод и соблюдения прав человека.

На фоне существенных трудностей в области политики, экономики и общественной безопасности юридическая база, гарантирующая защиту прав человека, в большинстве стран региона оставалась крайне слабой. Юго-Восточная Азия долгие годы была единственным регионом планеты, в котором отсутствовали и до сих пор отсутствуют региональные механизмы обеспечения защиты прав человека. Именно в этом регионе к началу 2000-х годов было меньше всего государств, ратифицировавших Международный пакт о гражданских и политических правах. О многом говорит и тот факт, что уже к 2003 году 18 стран региона подписали соглашения с США о невыдаче Международному уголовному суду американских граждан, обвиняемых в геноциде, преступлениях против человечности и военных преступлениях. В ряде стран по-прежнему широко практиковались пытки, «исчезновение» людей и внесудебные казни.

Глобальная тенденция к повсеместному сужению сферы применения смертной казни стран Юго-Восточной Азии практически не коснулась. За последние 10 лет здесь казнено намного больше людей, чем во всех остальных регионах мира вместе взятых. Особое место в этом ряду традиционно занимали Китай и Сингапур; резко выросло число смертных приговоров во Вьетнаме и Таиланде. В одном Китае, по минимальным оценкам «Международной амнистии», только в 90-х годах было казнено около 18 тыс. человек. В крошечном (по сравнению с Китаем) Сингапуре до последнего времени сохраняется самый высокий индекс казней в расчете на численность населения³⁴.

С середины 90-х годов в Юго-Восточной Азии постоянно росло число стран, в которых выносились смертные приговоры. В 1999 году, например, такие приговоры были вынесены в 14 странах региона (казни совершались в 10 странах); в 2001 году – в 15 странах (казни – в 12); в 2002 году – уже в 19 странах этого региона³⁵.

³⁴ См.: Hood R. The Death Penalty. A World-Wide Perspective. 2002. P. 2.

³⁵ См.: AI Index: POL 10/001/2000; Amnesty International Report 2003.

По данным Управления ООН по контролю за оборотом наркотиков и предупреждению преступности, страны Юго-Восточной Азии являются крупнейшим производителем опиума и метамфетамина. В Китае, Таиланде, Сингапуре и Вьетнаме в ответ на увеличение масштабов наркоторговли власти все чаще прибегали к применению смертной казни, несмотря на убедительные свидетельства того, что использование этой меры в борьбе с указанными преступлениями себя никак не оправдывает и не дает желаемого эффекта.

В 2000-х годах ситуация в регионе практически не изменилась. Более того, обострение вооруженных конфликтов в северо-восточных районах Индии, в Индонезии, Непале и Таиланде расширило масштабы нарушений права на жизнь и политические свободы. В жертву войны с терроризмом приносились все новые жизни. Коренные народы, мигранты, женщины и дети по-прежнему жили в условиях обнищания, дискриминации и политизации условий предоставления гуманитарной помощи; миллионы людей стали вынужденными переселенцами на территории своих стран.

Во многих странах региона по-прежнему жестоко подавлялось инакомыслие, вводились новые ограничения пользования Интернетом, все шире ограничивалась свобода слова, собраний и объединений. Система правосудия не давала гарантий правовой защиты самых уязвимых групп населения, для которых повседневная реальность связана с тяготами жизни и дискриминации. В ряде стран Юго-Восточной Азии (Филиппины, Индонезия, Таиланд, Индия и др.) вооруженные группировки во время терактов убивали мирное население, не стихали конфликты и вооруженные столкновения на этнической и религиозной почве.

На страны этого региона все большее влияние оказывают процессы глобализации. Китай и Индия, например, в течение последних десяти лет показывали завидные темпы экономического роста и укрепляли экономические взаимосвязи. Однако, несмотря на высокие темпы экономического развития, изменения, связанные с процессами глобализации, пошли на пользу далеко не всем странам региона. Следствием осуществления проектов индустриализации и развития стали массовые перемещения и нарушения прав человека; при этом миллионы людей все еще продолжают жить в нищете, а преимущества, которые приносило экономическое развитие, приходятся лишь на крайне незначительную долю тех, кто обладает лучшим образованием и навыками, кто обеспечен жильем и постоянной работой.

По данным ООН, к 2007 году 28 % населения Индии, например, жило за официальной чертой бедности, в Пакистане – 33 %, а в Бангладеш – 50 % населения³⁶.

Сохраняющийся разрыв в уровне жизни в городах и сельской местности наглядно показывает, что общее позитивное влияние экономического развития до сих пор не коснулось сельского населения стран Юго-Восточной Азии, где почти повсеместно наблюдается рост безработицы, нищеты, болезней и суицида. В Китае, например, огромному количеству людей удалось выйти из нищеты, но в то же время шокирующий разрыв между уровнем жизни в городах и на селе сохраняется. В 2006 году доходы городского населения в четыре раза превышали заработок сельских жителей. Несмотря на ужасающие условия труда и техники безопасности, в которых трудятся миллионы городских рабочих, продолжительность жизни в урбанизированных районах КНР на 10–15 лет выше, чем среди жителей сельской местности.

Экономическое развитие стран региона вселяло большие надежды, однако оно, как уже отмечалось, так и не улучшило жизнь обездоленных слоев населения, в наибольшей мере подверженных дискриминации, – в особенности этнических меньшинств и женщин, – ибо неравенство, укоренившееся не только в общественном сознании, но и в самих основах общества, сохраняется. От глобализации процесса создания материальных благ выиграло, как отмечалось, лишь весьма ограниченное число людей, в то время как огромное множество жителей

³⁶ См.: Amnesty International Report 2007. AI Index: POL 10/ 007/2007.

региона по-прежнему пребывает в условиях нищеты, не имея возможности получить медицинское обслуживание, жилье и образование.

В ряде стран региона по-прежнему не стихают конфликты на этнической почве. В северных районах Индии и южных районах Таиланда, населенных в основном мусульманами, насилие приняло особенно широкий размах. Вооруженные группировки взрывали бомбы, обезглавливали и расстреливали мирных жителей, монахов, учителей и сотрудников правоохранительных органов. Тех, кто пытался им противодействовать, ждала жестокая расправа.

Война с терроризмом продолжает уносить человеческие жизни почти во всех странах Юго-Восточной Азии; она связана и с многочисленными нарушениями прав человека. В том же Таиланде в соответствии с Законом о чрезвычайном положении сотни людей задерживались в произвольном порядке без предъявления обвинения и передачи дела в суд, им отказывалось в помощи адвокатов, многих подвергали пыткам и жестокому обращению. Такая же ситуация сложилась в ряде штатов Индии, в Пакистане, Индонезии и других странах.

Таков в самых общих чертах тот социально-экономический фон, на котором приходится рассматривать уголовную политику и практику применения наказания в абсолютном большинстве стран региона. Что же касается применения смертной казни, то, несмотря на ее отмену в некоторых странах в начале 2000-х годов, *Юго-Восточная Азия по-прежнему остается мировым лидером по числу смертных приговоров и по числу казней.*

В 2001–2009 годах эту меру наказания применяли 26 стран региона, в том числе Китай, Афганистан, Индия, Монголия, Япония, Таиланд, Пакистан, Вьетнам, КНДР, Сингапур. В Китае, на долю которого в последние 10 лет приходится в среднем 76 % всех зафиксированных в мире казней и 70 % всех смертных приговоров, механизмы защиты прав обвиняемых до самого последнего времени практически отсутствовали; в силу этого многих людей казнили в результате поспешных и несправедливых судебных разбирательств.

Сегодня страны этого региона по-прежнему в хвосте глобального движения, держащего курс на отмену смертной казни. Только Филиппины в 2006 году отказались от применения этой меры наказания; на том же пути и Южная Корея, которая *de facto* сохраняет мораторий на проведение казней (показательно, что здесь решение о моратории и законопроект об отмене смертной казни поддержали обе партии – и правящая, и оппозиционная).

Используемое в работе региональное деление стран, применяющих смертную казнь, как отмечалось, в известной мере условно. Оно не подразумевает анализы правоприменительной практики каждой из многочисленных стран региона – здесь рассматривается лишь ситуация в странах, где сложились самые неблагоприятные тенденции, наибольшая распространенность и интенсивность применения смертной казни.

Китайская Народная Республика

Развивающийся чрезвычайно быстрыми темпами Китай во всем мире вызывает понятный и все более растущий интерес. Несмотря на глобальные потрясения, которые принес конец 90-х годов, на все трудности огромной страны с переходной экономикой и перешагнувшим за миллиард населением, КНР к началу XXI века превратилась в одну из самых влиятельных и мощных мировых держав. Помимо очевидной политической стабильности и последовательного роста экономики, самые последние успехи Китая связаны с возвратом высокоразвитых Гонконга и Макао, со вступлением в ВТО, с запуском первого пилотируемого космического корабля, внушительной победой в борьбе за право проведения летних Олимпийских игр 2008 года и ЭКСПО-2010, а также с другими достижениями, значительно преобразившими страну.

Важную роль в обеспечении политики реформ и укрепления правопорядка в КНР играет и уголовное законодательство, развитие и обновление которого в целом идет в соответствии с изменениями реалий политической и экономической жизни. Отражением такого реформирования уголовного закона явилось принятие 14 марта 1997 года новой редакции Уголовного

кодекса КНР, а также последующее принятие Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) целого ряда дополнений и поправок к новому УК³⁷.

В контексте настоящей работы наибольший интерес представляют те существенные изменения в УК КНР 1997 года, а также в новой редакции УПК КНР (вступившего в силу 1 января 1997 года), которые связаны с регулированием порядка назначения и исполнения наказания в виде смертной казни. В Общей части УК этому институту уголовного права, занимающему особое место в системе наказаний и играющему важную политическую и воспитательную роль, посвящены четыре статьи (ст. 48–51 УК).

В ст. 48 УК КНР установлено, что смертная казнь может применяться только к лицам, «совершившим тяжчайшие преступления» и достигшим к моменту совершения преступления полных 18 лет. Новый УК исключил возможность применения этой меры не только к несовершеннолетним, но и к женщинам, находящимся к моменту судебного разбирательства в состоянии беременности. Для сравнения заметим, что ранее действовавший УК 1979 года (ст. 44) допускал возможность вынесения смертного приговора за особо тяжкие преступления лицам, достигшим возраста 16–18 лет.

Изменения затронули и порядок (способ) приведения смертных приговоров в исполнение. В УК 1979 года (ст. 45) в качестве такового назывался расстрел. Новое уголовно-процессуальное законодательство КНР добавило к расстрелу введение смертельной инъекции. Установлены также новые правила защиты по делам, наказуемым смертной казнью (ст. 34); предусмотрены автоматический порядок пересмотра смертных приговоров (ст. 210 УПК) и публикация в печати сообщения о приведении таких приговоров в исполнение (ч. 2 ст. 212 УПК).

Действующее уголовное законодательство КНР, как и прежде, предусматривает весьма широкий спектр возможного применения смертной казни, причем в количественных оценках разных авторов можно отметить существенные расхождения (называются санкции от 60 до 80 статей Особенной части УК)³⁸. Это означает, что сфера возможного применения санкции в виде смертной казни практически почти не изменилась, все еще является весьма обширной³⁹, а с учетом последующих изменений и дополнений к УК составляет почти четверть статей Особенной части.

УК 1997 года (ст. 48) сохранил принципиально важную норму ранее действующего законодательства, согласно которой возможна отсрочка исполнения смертного приговора сроком на два года, если суд придет к выводу, что в немедленном приведении такого приговора в исполнение нет необходимости. Эта система существует в Китае с 1949 года. В период отсрочки исполнения смертного приговора осужденные заняты обязательным трудом; если их поведение в этот период свидетельствовало о «раскаянии», приговор, согласно ст. 46 УК 1979 года, заменялся лишением свободы на определенный срок.

Статья 50 УК КНР 1997 года более четко, чем прежде, определяет порядок и основания исполнения приговора после истечения двухлетней отсрочки. В качестве такого основания закон, в отличие от прежнего УК, требует, чтобы лицо, которому была предоставлена отсрочка, не совершило в этот двухлетний период умышленное преступление. При совершении нового умышленного преступления Верховный народный суд КНР дает санкцию на приведение смертного приговора в исполнение.

³⁷ См.: Цзян Хуэйлинь. Основные черты Уголовного кодекса Китайской Народной Республики. Автореф. дис... канд. юрид. наук. М.: МГУ, 1999; Ахметшин Н. Х., Ахметшин Х. Н. Новое уголовное законодательство КНР. Вопросы Общей части // Государство и право. 1999. № 9.

³⁸ См.: Цзян Хуэйлинь. Основные черты Уголовного кодекса Китайской Народной Республики. Автореф. дис... канд. юрид. наук. М.: МГУ, 1999. С. 14.

³⁹ См.: Chen-Xin-Liang. The Death Penalty // The United Nations Standards and China's Legal System of Criminal Justice. Beijing, 1998. P. 536.

В случае серьезного искупления вины и реальных заслуг смертная казнь после истечения отсрочки исполнения приговора может быть заменена на лишение свободы на срок от 15 до 20 лет. Согласно ст. 51 УК, срок отсрочки исполнения смертного приговора исчисляется со дня его вынесения, а при замене смертной казни на лишение свободы – со дня истечения отсрочки исполнения такого приговора.

Дела обвиняемых в совершении преступлений, наказуемых смертной казнью, могут рассматриваться Промежуточными народными судами или Высокими народными судами по первой инстанции. Все смертные приговоры подлежат утверждению Верховным народным судом КНР, кроме тех, которые вынесены им самим. Обвиняемые имеют право на одну апелляцию. Если осужденный не подает апелляцию, закон предусматривает обязательную проверку дела вышестоящим судом. Что же касается применения отсрочки исполнения смертного приговора, то такие решения могут выноситься только судами высшей ступени либо подлежать утверждению в вышестоящих судах. Таковы основные положения уголовного и уголовно-процессуального закона, регулирующие основания и порядок применения смертной казни.

Наибольшее число статей, по которым возможно применение смертной казни, приходится на главу 3 «Преступления против социалистического рыночного экономического порядка» – здесь их 20; затем следуют глава 6 УК «Преступления против общественного порядка и порядка управления» (13 статей); глава 4 «Преступления против прав личности и демократических прав граждан» (11 статей); глава 10 «Преступления военнослужащих против воинского долга» (11 статей); глава 1 «Преступления против государственной безопасности» (9 статей). При этом практически все исследователи отмечают, что ныне таких санкций в процентном отношении по сравнению с ранее действовавшим законодательством стало «несколько меньше»⁴⁰.

В главе 4 Особенной части УК обращают на себя внимание наиболее широкая возможность применения высшей меры наказания при совершении преступлений против прав личности и демократических прав граждан. Несмотря на то, что таких статей в этой главе 11, т. е. меньше, чем в 3-й и в 6-й главах Особенной части, однако здесь смертная казнь предусмотрена в санкциях каждой третьей статьи. Такая мера наказания грозит лицам, виновным в умышленном убийстве (ст. 232 УК); в умышленном причинении вреда здоровью другого человека при особо тяжких последствиях (ст. 234); изнасиловании женщины или половом сношении с несовершеннолетней, не достигшей 14 лет (ст. 236), и т. д. Кстати, в ст. 234 УК названы квалифицирующие признаки, при которых возможно применение смертной казни. К их числу закон относит: изнасилование нескольких женщин, половое сношение с несколькими несовершеннолетними; публичное изнасилование в общественном месте; поочередное изнасилование, совершенное двумя и более лицами; причинение потерпевшей тяжкого телесного повреждения, смерти или других тяжких последствий.

В соответствии с новыми криминологическими реалиями ст. 239 УК устанавливает суровые меры ответственности – вплоть до смертной казни – за захват заложников, а ст. 240 УК – за похищение или обман в целях продажи женщины или ребенка. В последнем случае для применения смертной казни необходимо наличие одной из предусмотренных в этой статье конкретных ситуаций: руководство такого рода преступной группой; похищение, обман с целью продажи женщин, детей в количестве трех человек и более; половое сношение с похищенной, обманутой в целях продажи женщиной; принуждение похищенной к занятию проституцией либо продажа ее другому лицу для занятия проституцией; похищение малолетнего в целях

⁴⁰ См.: Ахметшин Н. Х., Ахметшин Х. Н., Петухов А. А. Основные положения Общей части УК КНР // Современное законодательство КНР. М., 2000. С. 34; Ахметшин Н. Х. Новации в современном уголовном законодательстве КНР // Право и политика. 2000. № 10.

продажи; продажа женщины или ребенка за границу, а также наличие иных подобных ситуаций.

Уголовное законодательство КНР устанавливает наиболее строгие меры наказания за контрабанду, торговлю, перевозку и производство наркотиков; при этом в ст. 347 УК конкретизируются и виды наркотиков, и объемы их продажи и перевозки, при которых возможно применение смертной казни.

В КНР с самого начала реформирования страны пристальное внимание уделялось борьбе с экономическими преступлениями, наносящими огромный материальный и политический ущерб. Достаточно сказать, что уже вскоре после принятия нового Уголовного кодекса ПК ВСНП в постановлении от 29 декабря 1998 года серьезно ужесточил ответственность за приобретение валюты обманным путем, за утечку валюты и незаконную торговлю иностранной валютой.

Год спустя постановлением ПК ВСНП от 25 декабря 1999 года предусматривалось внесение в УК ряда других существенных поправок, ужесточающих ответственность за экономические преступления. Поэтому не случайно в санкциях 20 статей, ныне предусматривающих ответственность за такого рода преступления, установлена возможность применения высшей меры наказания. Так, в ст. 141 УК предусмотрена смертная казнь за производство, а также сбыт поддельных лекарств, если это повлекло смерть или причинило особо тяжкий вред здоровью людей. В июле 2007 года весь мир обошли кадры телерепортажа, сообщавшие об утверждении смертного приговора и казни министра КНР, ответственного за закупку медицинских препаратов и продовольствия, который был признан виновным в многочисленных злоупотреблениях и взятках.

УК КНР установил также наказание в виде смертной казни за контрабанду товаров в особо крупных размерах (ст. 151, 153); за подделку денег при особо отягчающих обстоятельствах (ст. 170); за различные способы финансового мошенничества в особо крупных размерах и при особо крупном ущербе интересам государства и граждан (ст. 192–195). В последние годы реальность угрозы жесточайших репрессий ощутили многие крупные бизнесмены. В декабре 2009 года к смертной казни была приговорена самая молодая в стране миллионерша У Ин, которую суд г. Цзиньхуа признал виновной в получении обманным путем 384 млн юаней (56 млн долл. США). Используя пирамидальные схемы и обещая высокие проценты, она обманным путем привлекла многомиллионные средства 184 инвесторов, которые использовала на личные нужды и на функционирование собственного холдинга.

К высшей мере наказания в 2010 году приговорен и глава нефтехимического гиганта Синорес Чэнь Тунхай (с отсрочкой исполнения наказания). В конце 2009 года арестованы самый богатый человек в Китае – Хуан Гуанью, его брат и главный финансист. Как пишет китайская пресса, их дело будет самым громким антиолигархическим процессом в истории КНР.

Особое внимание уделяется борьбе с коррупцией, где позиция властей, судя по многочисленным «громким» судебным процессам, остается непримиримой и последовательно жесткой. В соответствии со ст. 383 и 386 УК к смертной казни могут быть приговорены работники государственных органов, виновные в присвоении (растрате) общественного имущества или в получении взятки на сумму 100 тыс. юаней (14 тыс. долл.). Такие приговоры выносятся довольно часто, невзирая на чины и звания. По оценкам китайских экспертов, потери от коррупции в стране ежегодно составляют 13–17 % ВВП; около 20 % государственного финансирования оседает в карманах чиновников.

Как сообщает «Фачжи Жибао», в 2010 году в КНР к высшей мере наказания приговорены 7 чиновников самого высокого ранга (еще четырех приговорили к пожизненному заключению)

за получение взяток в среднем по 10 млн юаней (1,4 млн долл.)⁴¹. Один из них – вице-мэр Пекина Лю Чжихуа; он предоставлял своей любовнице самые выгодные подряды на возведение олимпийских объектов и, кроме того, брал взятки за отвод земельных участков.

Среди целого ряда наиболее скандальных дел о коррупции чиновников высокого ранга следует упомянуть осуждение вице-спикера парламента КНР Чэна Кэцзе, виновного в хищениях в особо крупных размерах и получении взяток на 4,5 млн долл. в те годы, когда он работал губернатором провинции Гуанси. Один из последних смертных приговоров за коррупцию вынесен в декабре 2010 года вице-мэру города Дунин (провинция Шаньдун), который обвинен в получении взяток на сумму более 3 млн долл. и растрату более 2,5 млн долл. В сознание населения КНР все шире внедряется наставление Дэн Сяопина, согласно которому «мягкой рукой с преступностью не повоюешь и социальные уродства не выведешь».

Китай подписал Международный пакт о гражданских и политических правах, но до сих пор не ратифицировал его, не обращая внимания на постоянные призывы ООН и Совета Европы⁴². Как и в США, в КНР перспективы ограничения и, тем более, отмены смертной казни по-прежнему связывают лишь с кардинальным снижением преступности⁴³. При этом власти Китая «мало волнуют либеральные рассуждения на Западе о недопустимости применения смертной казни»⁴⁴.

Система противодействия преступности в КНР базируется как на специфическом менталитете китайцев, так и на общественно-политической структуре, предусматривающей закрепленные в конституции принципы социально-экономического равенства, всеобщей трудовой занятости и минимальной материальной обеспеченности. Идеология и пропаганда воспитательной политики в КНР – весьма существенные факторы воздействия на преступность. Мощнейший аппарат пропаганды позволяет привлекать к решению общенациональных проблем широкие массы людей. К их числу относится и проблема борьбы с преступностью. Когда в первой половине 90-х годов в развитии криминальной ситуации тревожные тенденции стали особо ощутимыми, в стране развернулась мощная общегосударственная кампания борьбы с преступностью. Проведение такого рода кампаний в КНР – один из основных методов руководства обществом и способ действенного влияния на развитие различных социальных процессов⁴⁵.

В разные годы уголовная политика КНР существенно менялась в зависимости от направленности, характера и масштабов очередной кампании. Поэтому резкие изменения в динамике казней и смертных приговоров в этой стране до середины 90-х годов носили спорадический характер. С 1983 года, например, когда в КНР было введено законодательство, значительно упрощавшее и ускоряющее процесс расследования и судебного разбирательства по делам о преступлениях, наказуемых смертной казнью, оперативность вынесения и исполнения смертных приговоров резко возросли (по многим делам такой разрыв составлял всего несколько дней), что повлекло весьма значительное увеличение числа казней. За первые три года действия этих процедур, по данным «Международной амнистии», было зафиксировано 10 тыс. казней⁴⁶.

⁴¹ См.: Овчинский В. Урок китайского // Завтра. 2011. 19 янв. № 3 (896).

⁴² См.: Hood R. Capital Punishment // The Handbook of Crime and Punishment. New York; Oxford, 1998. P. 739–776.

⁴³ См.: The International Sourcebook on Capital Punishment / Schabas W. (Ed.). Boston, 1997. P. 206–232.

⁴⁴ Ахметшин Н. Х. Смертная казнь в современном Китае: правовое регулирование и практика применения // Право на смертную казнь. М., 2004. С. 222; Сой Кай. Организованная преступность и борьба с ней в КНР. Автореф. дис... канд. юрид. наук. Владивосток: ДВГУ, 2010.

⁴⁵ См.: Dutton M., Tianfu L. Mission the Target. Policing Strategies in the Period of Economic Reform // Crime and Delinquency. 1993. Vol. 39. N 3; Ишиаков С. М. Зарубежная криминология. М., 1997. С. 281–283; Friday P. C. Crime and Crime Prevention in China: A Challenge to the Development Crime Nexus // Journal of Contemporary Criminal Justice. 1998. Vol. 14. N 3. August. P. 296–314.

⁴⁶ Оценки неофициальных источников (при полном отсутствии официальных) сильно расходятся. По некоторым из них,

В 1987–1989 годах число казней (а скорее, объем поступающих о них сообщений) заметно снизилось; в 1987 году, например, подтвержденными оказались сообщения лишь о 132 казнях. (В случае достоверности этой информации, можно было бы говорить о минимальном числе казней за всю историю КНР⁴⁷.) Однако в последующие годы число казней и смертных приговоров постоянно увеличивалось.

Середина 90-х годов – одна из самых мрачных страниц в истории правосудия в Китайской Народной Республике. В мае 1996 года руководство КНР предприняло широкомасштабную кампанию против убийц и насильников, грабителей и наркоманов, получившую название «жестокий удар» («Strike Hard»). Эта кампания замышлялась в первую очередь против резко возросших в стране масштабов и распространенности насильственных преступлений, а также против набравшей силу организованной преступности⁴⁸, однако в ее сети попало огромное число людей, виновных в ненасильственных и куда менее опасных преступлениях. Массовые и публичные казни устраивались как одно из мероприятий по случаю праздников, и именно в такие дни чаще выносились смертные приговоры. Апелляции осужденных удовлетворялись крайне редко, и такие приговоры быстро приводились в исполнение.

Таблица 1

Динамика смертных приговоров и казней в КНР в 1996–2008 гг.

Годы	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Число смертных приговоров	6100	2495	1657	1720	1500	4015	1921
Число казней	4400	1644	1067	1077	1010	2468	1060

Продолжение таблицы 1

Годы	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Число смертных приговоров	1639	6200	3900	2790	1860	7003
Число казней	726	3400	1770	1015	470	1718

Из табл. 1 видно, что первый же год этой кампании дал пиковые показатели казней и смертных приговоров за все последующие годы. Более того, показатели 1996 года до сих пор остаются рекордными и по «вкладу» Китая в мировую статистику применения смертной казни (независимо от полноты и достоверности данных, тщательно скрываемых властями). Так или иначе, в 1996 году этот «вклад», как видно из табл. 2, составил 85,8 % от общего числа заре-

число казней в эти годы превышало 30 000 (см.: Когда убивает государство. М., 1989. С. 255).

⁴⁷ См.: Квашиш В. Смертная казнь: глобальные тенденции и перспективы // Уголовное право. 2001. № 3.

⁴⁸ См.: Синь Янь, Яблоков Н. П. Борьба с мафией в Китае. М., 2006; Овчинский В. С. Мафия XXI века: сделано в Китае. М., 2006; Бинсун Хэ. Организованная преступность. Исследование преступности мафиозного характера в континентальном Китае. Владивосток, 2005.

гистрированных в мире смертных приговоров и 92,2 % от общего числа всех казней. В дальнейшем эти показатели значительно снизились.

Таблица 2

Доля КНР в общем числе зарегистрированных в мире смертных приговоров и казней в 1996–2008 гг. (в %)

Годы	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Смертные приговоры	85,8	57,1	42,4	44,6	49,1	76,3	59,1
Казни	92,2	63,7	65,7	59,4	69,3	81,0	69,5

Продолжение таблицы 2

Годы	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Смертные приговоры	59,4	83,8	75,2	72,3	55,5	79,0
Казни	63,3	89,5	82,4	77,6	37,5	71,8

В последующие пять лет, до 2001 года, масштабы применения смертной казни в КНР, судя по опубликованным данным, стали заметно снижаться. В 1998 году, например, доля смертных приговоров в КНР в общем числе зафиксированных «Международной амнистией» смертных приговоров во всем мире оказалась минимальной за 1996–2006 годы – она составила 42,4 %⁴⁹. По тем же данным, число казней в стране с 1996 по 2000 год снизилось в четыре раза. И все же за 90-е годы в Китае, даже по самым минимальным оценкам, было казнено около 18 тыс. человек.

Разумеется, здесь приводятся лишь данные, зафиксированные правозащитными организациями, хотя, по мнению экспертов, данные о казнях в КНР за 1996–2000 годы занижены в три-четыре раза. Такие оценки, скорее всего, справедливы; иногда это подтверждают и высокопоставленные китайские официальные лица, не называющие своего имени. Понятно, что вовсе не случайно данные о применении смертной казни составляют в Китае государственную тайну, несмотря на то, что ч. 2 ст. 212 УПК КНР предусматривает обязательную публикацию сообщений об исполнении смертного приговора.

На пороге XXI века уголовная политика в Китайской Народной Республике, по мнению зарубежных исследователей, становится менее противоречивой и более последовательной. Считается даже, что в Китае в конце XX века «формируется новая юридическая культура, аккумулирующая наследие мировой юридической мысли». Поэтому доктрина уголовной политики, якобы, все больше отходит от шараханий между «замшевой перчаткой» и «железной рукой»⁵⁰. При всех недостатках новой уголовно-политической доктрины КНР основная

⁴⁹ См.: Amnesty International, Annual Report 2001, China; AI Index: ASA 17/049/2000 «People's Republic of China: death penalty Log 1999».

⁵⁰ См.: Albrecht H. J. The Death Penalty in China. Placing the China's Death Penalty Politics in International Perspectives // Presentation at the International Conference «Towards the Global Abolition of Capital Punishment». Freiburg: Max Planck Institute, 2000. September.

тенденция и перспектива ее реализации, по мнению Р. Худа, может быть охарактеризована как растущее восприятие аболиционистской идеи⁵¹.

Эти выводы представляются излишне оптимистичными, тем более что они, как и все другие оценки положения дел в этой сфере в КНР, основаны на далеко не полных и фрагментарных данных, подлинная реальность которых должна кардинально изменить такого рода суждения. Но если даже представить, что данные, публикуемые «Международной амнистией», абсолютно достоверны, то тенденции и особенно перспективы применения смертной казни следует, по нашему убеждению, связывать не с «растущим восприятием аболиционистских идей», а с куда более прагматичными и, прежде всего, с политическими соображениями, которые диктуются не столько изменениями в криминологической ситуации, сколько развитием ситуации в экономике страны, ее ролью и местом в мире в период глобальных экономических и политических изменений. Тем более, что даже публикуемая ООН, «Международной амнистией» и другими организациями далеко не полная статистика применения смертной казни в 2001–2008 годах никак не свидетельствует о росте аболиционистских настроений в КНР.

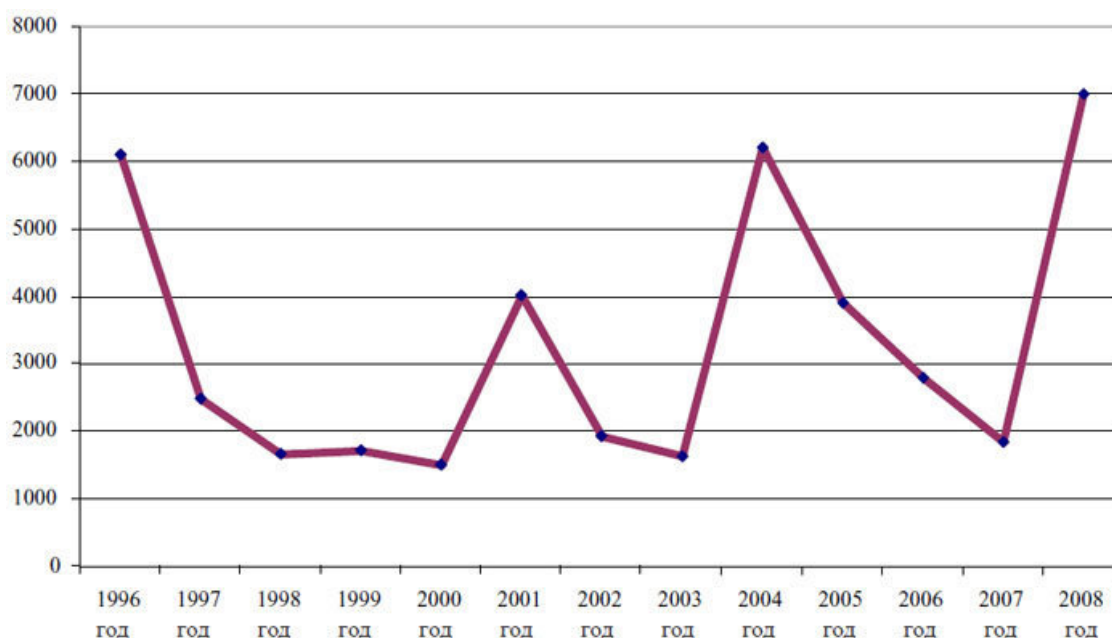

Рис. 1. Динамика смертных приговоров в КНР в 1996–2008 гг.

Динамика смертных приговоров в КНР, представленная на рис. 1, показывает, что оценки зарубежных экспертов, касающиеся эффективности борьбы с преступностью и перспектив либерализации уголовной политики в Китае, оказались преувеличенными и явно преждевременными⁵². Даже в год проведения Олимпиады (2008 г.) в стране было вынесено рекордное за последние 12 лет число смертных приговоров (7 тыс.), в несколько раз превышающее показатели предыдущих лет. Впрочем, одновременно следует иметь в виду, что столь значительный разброс, скорее всего, указывает на явную неполноту и сокрытость данных судебной практики за предыдущие годы.

Об этом же не менее убедительно свидетельствует и практика приведения смертных приговоров в исполнение. Графическое изображение обеих сторон практики применения смерт-

⁵¹ См.: Hood R. The Death Penalty: A World-Wide Perspective. 2002. P. 54, 86.

⁵² См.: Friday P. C. Crime and Crime Prevention in China. A Challenge to the Development Crime Nexus // Journal of Contemporary Criminal Justice. Vol. 14. 1998. August. P. 296–314; Hood R. The Death Penalty: A World-Wide Perspective, 2002. P. 8.

ной казни облегчает восприятие не только ее спорадического характера, но и «пиковых» показателей разных периодов современной истории КНР (см. рис. 2).

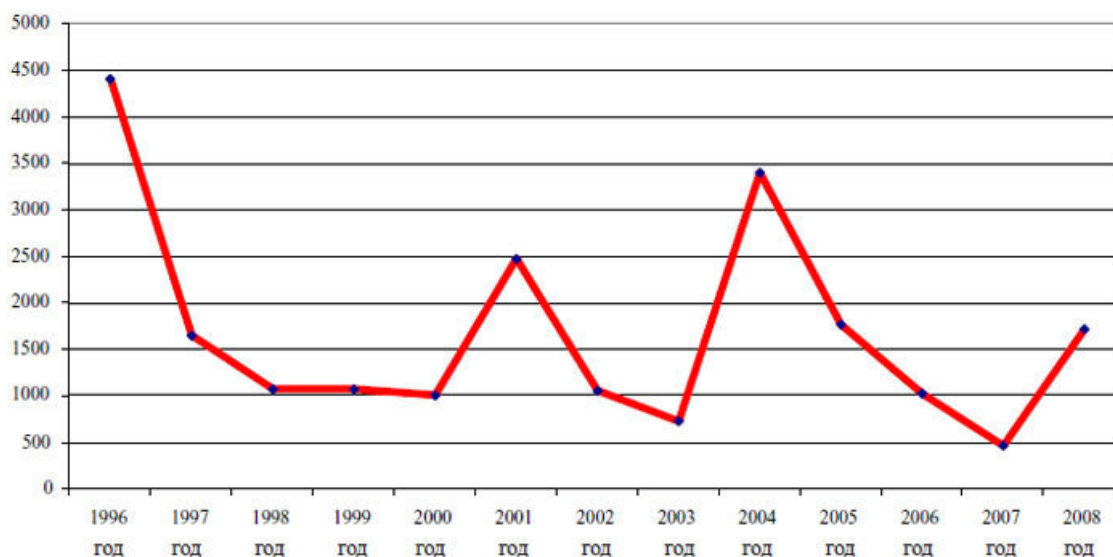

Рис. 2. Динамика казней в КНР в 1991–2008 гг.

Как видно, с «шараханьями» в деле применения репрессии вовсе не было покончено. Скорее, наоборот, власти КНР по-прежнему привержены политике проведения крупномасштабных кампаний, которые если и чуть стихают, то лишь для того, чтобы вспыхнуть с еще большей силой. Это подтверждает и хронологический анализ даже той скудной информации, которая просачивается из страны благодаря усилиям национальных и международных правозащитных организаций.

Начавшаяся весной 2001 года кампания «жесточкого удара» (иногда ее еще называют «решительным» или «сокрушительным ударом») была продлена еще на год. Результаты применения смертной казни в ходе этой кампании в 2001 году говорят за себя сами – по данным «Международной амнистии», в стране только с апреля до начала июля казнили 1781 осужденного и было вынесено 2960 смертных приговоров. А всего за 2001 год было вынесено 4015 смертных приговоров и казнено 2468 осужденных к смертной казни⁵³. При этом многие казненные не совершали насильственных преступлений, борьба с которыми была объявлена основной целью «жесточкого удара». Многие из них были осуждены за растрату, уклонение от налогов, мошенничество, взятки, торговлю некачественными товарами, сутенерство, сбыт наркотиков и т. п.

Несмотря на резкое усиление репрессии, преступность в стране, по признанию китайских властей, выросла по сравнению с показателями 1999 года на 50 %⁵⁴. Этот важный статистический факт еще раз доказывает, что экспансия казней сама по себе не может снизить уровень преступности.

Заметное снижение публикуемых показателей применения смертной казни в 2002 году особого доверия не вызывает; оно противоречит логике кампании «жесточкого удара» и потому свидетельствует лишь о более эффективных усилиях властей по сокрытию реальной информации о положении вещей, а не о принципиальном изменении тенденции. Оно противоречит, далее, и фактической стороне дела, ибо продолжающаяся кампания по усилению репрессий

⁵³ См.: AI Index: ASA 17/022/2001 «China: Striking harder' than ever before»; AI Index: ACT 53/002/2002, 1 March, 2002; AI Index: ASA 17/029/2002, My 23, 2002 «China: „Strike Hard“ anti-crime campaign intensifies».

⁵⁴ См.: AI Index: ASA 17/009/2001, April 12, 2001 «China: Day of death».

особенно заметно активизировалась именно в 2002 году, перед приближающимся 16-м съездом Компартии Китая. Этот вывод подтверждается и резким ростом числа смертных приговоров, вынесенных судами КНР в последующий период – в 2004–2006 годах, а также явно несопоставимыми данными о числе казней – особенно в 2003 и 2004 годах.

В начале 2000-х годов в Цзиньцзянь (Уйгурский автономный округ) кампания против организованной преступности распространилась также на многих людей, поспешно обвиненных в «этническом сепаратизме», «терроризме» и «религиозном экстремизме», а также на членов духовного движения «Фалун Гонг».

С начала 2001 года были введены дополнительные правила для контроля за доступом в Интернет; согласно этим правилам, смертная казнь могла быть назначена тем, кто «приносит особо опасный вред» путем предоставления государственной тайны иностранным организациям и лицам посредством Интернета. В январе 2002 года министр информационной промышленности объявил о новых правилах, по которым компании, предоставляющие интернет-услуги, должны более тщательно следить за использованием сети их клиентами. В ноябре того же года вступили в силу новые правила Министерства культуры, еще больше ограничивающие доступ к Интернету, в том числе ограничивающие деятельность интернет-кафе.

Опасность более вероятного применения смертной казни за преступления, ранее наказуемые лишением свободы, особенно возросла накануне ноябрьского съезда Компартии КНР. Смертная казнь в этот период применялась особенно широко, а приговоры часто приводились в исполнение буквально через несколько часов после их оглашения.

В декабре 2002 года были приняты «антитеррористические» поправки к Уголовному кодексу, расширившие сферу применения смертной казни. Сколь-либо четкого определения террористической деятельности и террористических организаций эти поправки не содержали, что вызывало беспокойство людей тем, что такие поправки вполне могут быть использованы властями для подавления права на свободу объединений и другие свободы. Вообще, в КНР до сих пор, по сути дела, ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике не проводится различий между терроризмом и сепаратизмом. Это, похоже, сознательная политика, вполне устраивающая власть.

Последующие события подтвердили обоснованность опасений и беспокойности многих людей. Обвиняемым в «политических» преступлениях отказывали в надлежащих правовых процедурах, их нередко подвергали пыткам и издевательствам. Решения по этим делам власти, как правило, принимали до суда, который обычно проходил в закрытом режиме, а процедура апелляции сводилась к формальности.

В 2001–2002 годах особенно возросло применение двух видов системы «административного задержания». По данным «Международной амнистии», по первому из них – «задержание и выдворение» (он предусматривал задержание на срок до четырех лет без предъявления обвинения и суда) – в 2002 году было задержано более миллиона людей, включая мигрантов и бездомных детей; еще около 310 тыс. человек – по второму варианту – находились в лагерях «для перевоспитания трудом» (в 2001 г. – 260 тыс. человек).

Активное использование этих двух систем административного задержания в известной мере объясняет удивительный для европейских экспертов *низкий уровень применения в КНР лишения свободы*, который никак не коррелируется со столь высокой распространенностью смертной казни. В самом деле, в расчете на 100 тыс. населения в КНР в конце 90-х годов и начале XXI века стабильно приходится не более 100 заключенных, что в 6–7 раз ниже соответствующих показателей в США и России и приближается к показателям применения лишения свободы в ФРГ, Австрии, Англии и Испании⁵⁵. Такое соотношение сохраняется и сегодня, когда на 1,2 млрд населения приходится 1,5 млн осужденных к лишению свободы⁵⁶.

⁵⁵ См.: Albecht H. J. The Death Penalty in China. Placing the China's Death Penalty Politics in International Perspectives //

В то же время данные о применении лишения свободы в КНР выгодно отличаются от соответствующих показателей в ряде стран Восточной Европы и Центральной Азии. В Румынии, например, на 100 тыс. населения приходится 193 осужденных к лишению свободы, в Польше и Чехии – 160, в Венгрии – 125, а в Украине – 345. На этот парадоксальный факт не раз указывалось и в обзорах Организации Объединенных Наций и публикациях зарубежных ученых⁵⁷.

Новое руководство, возглавляемое председателем КНР Ху Цзиньтао, осуществило ряд реформ в сфере применения административно-правовых санкций, в том числе запретило применение практики административного «задержания и выдворения». Однако эти реформы не устранили глубинные недостатки административной системы, которые вели к безнаказанным нарушениям прав человека.

Что же касается статистики применения смертной казни в 2003 году, то к ней полностью применимо сказанное в отношении показателей предыдущего года – некоторое снижение числа смертных приговоров (с 1921 до 1639) и числа казней (с 1060 до 726), скорее всего, является результатом роста неполноты информации, на что постоянно обращается внимание в документах «Международной амнистии». В этом отношении показательно, что еще в начале 2003 года власти провинции Юньнань приобрели 18 передвижных камер для казни осужденных путем летальной инъекции (как отмечается в отчете «Международной амнистии» за 2003 год, «с целью снижения затрат и повышения эффективности исполнения смертных приговоров»).

Кроме того, расширенные толкования уголовного закона, принятые Верховным судом КНР в мае и сентябре 2003 года, распространили возможность применения смертной казни, соответственно, на лиц, страдающих атипичной пневмонией, если они намеренно разносили инфекцию, а также на лиц, вовлеченных в незаконное производство, сбыт и хранение определенных объемов токсичных химикатов.

На фоне роста сообщений о масштабных нарушениях права на здоровье и медицинскую помощь февральская эпидемия атипичной пневмонии (SARS) вынудила правительство к большей прозрачности своей деятельности. В октябре 2003 года китайские власти впервые официально признали, что в стране насчитывается 840 тыс. ВИЧ-инфицированных и еще около 80 тыс. – больных СПИДом, хотя, по мнению правозащитных организаций, реальные цифры намного превышали показатели, названные властями.

Очевидную неполноту данных за 2003 год подтверждают и резко возросшие показатели применения смертной казни в 2004 году, когда было вынесено свыше 6000 смертных приговоров и казнено «по меньшей мере» 3400 человек – итог, сопоставимый лишь с максимальными показателями 1996 года. К сказанному следует добавить, что в 2004 году доля КНР по отношению к общему числу смертных приговоров, вынесенных во всем мире, стала самой высокой за 1996–2006 годы (83,8 %), а по числу казней (89,5 %) почти такой же, как в 1996 году. Отмечая, что «реальные цифры намного превосходят указанные», «Международная амнистия» приводит сделанное в марте 2004 года заявление одного из депутатов Национального народного конгресса о том, что в КНР ежегодно казнят порядка 10 тыс. осужденных.

В 2004 году власти Китайской Народной Республики, как уже отмечалось, предприняли ряд мер с целью укрепления законности в деятельности правоохранительных органов (в част-

Presentation at the International Conference «Towards the Global Abolition of Capital Punishment». Freiburg: Max Planck Institute, 2000. September; Kury H., Obergfell-Fuchs J., Ferdinand T. Social Development and the Evaluation of Crime: An International Comparison // Comparative Law Review. 2000. Vol. 34. P. 51, 89.

⁵⁶ См.: Овчинский В. С. Криминология кризиса. М., 2009. С. 178, 187.

⁵⁷ См.: United Nations Economic and Social Council: Crime Prevention and Criminal Justice. Capital Punishment and Implementation of the Safeguards Guaranteeing Protection of the Rights of Those Facing the Death Penalty. E/2000/3, March 31, 2000. P. 13.

ности, началась работа по пресечению пыток в полиции) и повышения внимания к правам человека⁵⁸. В принятой в марте этого года поправке к Конституции КНР прямо говорилось, что «государство уважает и защищает права человека». Принятые в этом направлении меры были связаны, с одной стороны, с усилившимся давлением международной общественности, а с другой – с необходимостью существенного изменения имиджа страны, поскольку борьба за право проведения Олимпийских игр 2008 года вступала в финальную стадию.

Однако в практическом плане реализации указанных мер препятствовало отсутствие институциональных изменений. Так, например, власти КНР официально объявили о намерении реформировать систему административного задержания с целью «трудового перевоспитания», которая, как уже отмечалось, позволяла задерживать сотни тысяч людей на срок до четырех лет без предъявления обвинений и передачи дела в суд. Тем не менее масштабы и временные рамки такой реформы оставались неясными.

В 2005 году число смертных приговоров по сравнению с 2004 годом заметно сократилось (с 6000 до 3900), а число казней, по данным «Международной амнистии», снизилось наполовину (с 3400 до 1770). В этот период в китайской прессе впервые стали приводиться сообщения о случаях судебных ошибок при вынесении смертных приговоров, что вызвало серьезную озабоченность общественности и усилило импульс к проведению необходимых реформ. Не случайно 27 сентября 2005 года представитель Верховного суда КНР сообщил, что для пересмотра таких приговоров при Верховном суде создаются три дополнительных отделения и, «как ожидается, это позволит снизить число казней на 30 %»⁵⁹.

В большинстве районов страны кампания «жестокое удара», похоже, пошла на убыль, однако в ЦУАР, где проживает уйгурское этническое меньшинство, она, наоборот, возобновилась с новой силой; ее целью было объявлено искоренение сепаратизма, терроризма и религиозного экстремизма. В результате репрессий нарушались права граждан, уничтожалась уйгурская культура и язык, закрывались мечети, арестовывались имамы, запрещался выход изданий на уйгурском языке.

В 2006 году ситуация практически повторилась – число смертных приговоров снизилось с 3900 до 2790, а число зафиксированных казней – с 1770 до 1010. Комментируя эти данные, «Международная амнистия» в своем отчете заметила, что, по-видимому, речь идет лишь о верхушке айсберга, ибо, по данным некоторых экспертов, число казней в КНР в этот период составляло 7500–8000. Оснований для такого утверждения, действительно, хватает – открытость и искренность никогда не были свойствами национального характера китайцев и, тем более, никогда не отличали политику и правоприменительную практику КНР. Другое дело, что наметившаяся в 2005–2006 годах тенденция к снижению числа смертных приговоров, вероятно, близка к реальной, ибо статус столицы Олимпиады обязывал, как отмечалось, заботиться об имидже страны и вносить определенные коррективы в правоприменительную практику, в том числе и, может быть, в первую очередь, в практику применения смертной казни.

Именно на такой тенденции настаивают и китайские власти. В начале июня 2007 года официальный представитель Верховного народного суда КНР сообщил, что в 2006 году впервые за последние 10 лет вынесено самое низкое число смертных приговоров и, по его мнению, тенденция к снижению числа таких приговоров продолжится и в последующие годы. Китайские средства массовой информации, ссылаясь на заявления властей, сообщили также, что за первые месяцы 2007 года суды первой инстанции вынесли смертных приговоров на 10 %

⁵⁸ В феврале 2004 года Ма Вэйхуа, которой грозила смертная казнь (она была задержана с 1,5 кг героина), вынудили сделать аборт, чтобы ее казнь стала «юридически возможной». Когда адвокат подсудимой представил доказательства принудительного аборта, суд приговорил ее к пожизненному заключению.

⁵⁹ См.: AI Index: ASA 17/035/2005, October 5, 2005 «People's Republic of China: Reinstatement of Supreme Court review of death sentences – a step towards abolition?».

меньше, чем за тот же период 2006 года⁶⁰. Считается, что такое снижение вызвано новым порядком контроля за вынесением смертных приговоров и их пересмотром Верховным судом КНР, который вызван растущими опасениями по поводу судебных ошибок и необоснованного применения высшей меры.

Так, в начале сентября 2007 года заместитель председателя Верховного суда КНР Янг Хингчанг в заявлении для печати сообщил: «За период с января по июль 2007 года Верховный суд отказался утвердить довольно большое число вынесенных смертных приговоров. Если бы не было такого рода окончательных постановлений, смертные приговоры были бы приведены в исполнение»⁶¹.

Действительно, в 2007 году, по данным «Международной амнистии», в КНР было вынесено «всего» 1860 смертных приговоров. Однако уже в 2008 году, несмотря на проведение Олимпиады, отмеченная только что тенденция была резко нарушена – суды КНР вынесли смертных приговоров почти в три раза больше, чем в 2006 году и почти в четыре раза больше, чем в 2007 году (7003)⁶².

С начала 80-х годов в Китае получала все более широкое распространение практика *торговли человеческими органами*, взятыми у казненных осужденных в целях последующей трансплантации. Западные средства массовой информации приводят ужасающие подробности этой практики, возведенной в ранг все более хорошо организованного, секретного и высокодоходного бизнеса. Международные правозащитные организации собрали множество свидетельств очевидцев и статистических данных, говорящих о том, что за последние 30 лет в КНР создана целая индустрия торговли человеческими органами смертников. Недостатка в покупателях нет и не предвидится, а «сырья» у этой индустрии в избытке, поскольку в стране ежегодно совершаются тысячи казней.

Китайская индустрия трансплантации создавалась десятилетиями, но с середины 90-х годов она стала развиваться особенно быстрыми темпами. Еще 20 лет назад китайские медики часто терпели неудачи в попытках перенять созданные на Западе технологии пересадки сердца, почки, печени и других органов. Приговоренных к смертной казни специально подолгу содержали в камерах смертников, хорошо кормили, следили за их здоровьем, одновременно подыскивая покупателей на их органы. Однако такие сложные операции требовали высокой квалификации и подготовки медицинского персонала, совершенной медицинской техники и методик предотвращения отторжения организмом чужих органов. Всего этого в Китае тогда не было, хотя уже имелись оригинальные методики сохранения в надлежащем состоянии органов, удаленных у доноров.

Вот одно из описаний этой процедуры:

«В дни, предшествующие казни, рацион приговоренного к смерти значительно улучшается, его регулярно осматривает врач, проводится целый ряд анализов. В ночь перед казнью осужденного приковывают к стулу, а потом привязывают к спинке, чтобы он не мог повредить ценные органы. На рассвете ему делают инъекцию антикоагулянта и в кандалах ведут в операционную, фиксируют на столе и делают смертельную инъекцию. Буквально через несколько минут на том же столе хирурги начинают препарировать еще теплое тело, извлекая из него жизненно важные органы. Благодаря антикоагулянтам, органы казненного находятся в прекрасном состоянии. Часть из них для хранения помещается в специальные контейнеры, другие органы отправляются в специализированные клиники, где хирурги

⁶⁰ См.: International Herald Tribune. 2007. June 8.

⁶¹ См.: Reuters, 2007. September 3.; The Jurist. 2007. September 3.

⁶² См.: AI Index: ACT 50/003. 2009. March 24.

уже облачаются в операционную форму, а пациентов – партийных бонз или богатых иностранцев – готовят к пересадке органов»⁶³.

С середины 80-х годов, когда в Китай попал препарат «циклоспарин-А», подавляющий реакцию отторжения чужеродных органов, прогресс в этом бизнесе пошел семимильными шагами – процент успешно перенесших операцию, например, по пересадке почки к 1987 году вырос с 50 до 80 %, а к 1991 году этот показатель составил 90 %.

Уже в начале 90-х годов, получив поддержку в рамках общенациональной программы подготовки хирургов, более 100 китайских больниц предлагали услуги по трансплантации органов богатым пациентам со всего мира; уже в этот период ежегодно проводятся до 3 тыс. трансплантаций, чаще всего почек и роговицы глаза. По свидетельствам международных медицинских и правозащитных организаций, казни давали медикам до 90 % всех трансплантантов.

Китайские трансплантологические клиники в эти годы тщательно разрабатывают стратегию доходного бизнеса. У каждой больницы есть не афишируемая, но весьма эффективная сеть врачей-консультантов в странах Юго-Восточной Азии, которые ведут поиск и подбор богатых пациентов. Все эти клиники являются государственными учреждениями и принадлежат территориальным органам власти или же медицинским учреждениям Китайской народной армии, дополняя ее широко разветвленную коммерческую империю из фабрик, отелей, магазинов и т. п.

Одним из ведущих учреждений такого профиля являлся в тот период Первый военно-медицинский университет в Южном Китае (г. Гуанчжоу). Большинство пациентов прибывают через Гонконг, их встречают лимузины и везут в роскошный госпиталь с американским оборудованием. Здесь 30 одноместных палат для ожидающих трансплантации и 100 – для пациентов, выздоравливающих после операции. За каждую операцию клиника получала 30 тыс. долл. Правозащитная организация «Права человека в Азии» назвала эту систему «бесчеловечным симбиозом медицинской технологии с убийством, освященным авторитетом государства»⁶⁴.

По сложившейся традиции камеры смертников пустеют накануне главных государственных праздников – Нового года по лунному календарю, выпадающему обычно на февраль, и сентябрьского осеннего фестиваля. В эти дни совершаются массовые казни, которым нередко предшествует «парад» приговоренных по главным улицам города. Эта церемония служит наглядной демонстрацией решимости властей покончить с преступностью. В такие дни операционные китайских больниц гудят, как растревоженные ульи. Нередко оборудуются передвижные операционные, которые размещаются в грузовиках и автобусах, припаркованных около места казней. В этих случаях удаление органов начинается немедленно, прямо по дороге в клинику.

После того как в 1996 году китайское законодательство, наряду с расстрелом, узаконило казнь путем смертельной инъекции, работа бизнесменов от трансплантологии значительно упростилась. Традиционная казнь – выстрел в затылок стоящим на коленях осужденным; затем их родственникам предъявлялся к оплате счет «за пулю и обслуживание». (Кстати, родственникам выдаются не тела, а урны с прахом казненных.)

Когда выяснилось, что выстрел в затылок сохранял внутренние органы, но разрушал весьма ценную роговицу глаза, у него нашлось много весьма влиятельных противников – «гуманистов», поддерживающих метод смертельной инъекции. Как рассказал бывший служащий шанхайской тюрьмы, прежние правила проведения казни нарушались и раньше: «Если нужно было сохранить глаза, осужденного убивали выстрелом в сердце. Если же нужно было сердце, стреляли в голову...»⁶⁵

⁶³ *Field Catherine*. *China's Take Out* // *Penthouse*. 1997. November.

⁶⁴ Китайский синдром // *Курьер* (Russian Weekly Newspaper). Лос-Анджелес, 1997. № 82. 10–16 октября. С. 8–9.

⁶⁵ Там же.

Изменения в правилах проведения казни, отмечает западная печать, послужили новым импульсом к развитию трансплантации китайского образца. На подпольном рынке человеческих органов Китай не одинок, они есть и в Индии, и в Индонезии, и в других странах, но только в Китае органы изымаются у осужденных к смертной казни и только здесь этот бизнес приобрел государственные масштабы. Поэтому Азиатская ассоциация трансплантологов отказалась принять КНР в число своих членов, а всегда крайне сдержанная в оценках Всемирная организация здравоохранения еще в 1997 году заявила: «Несмотря на официальные опровержения, имеются неопровержимые доказательства, что торговля человеческими органами стала в Китае широко распространенной практикой, причем изъятие органов, как правило, совершается без согласия приговоренных к смертной казни или их родственников».

В 1998 году по прибытии в США в ловушку ФБР угодили двое китайских граждан, один из которых – бывший работник прокуратуры. Они изъявили готовность поставлять для трансплантации практически любые человеческие органы. За отдельную плату гарантировали даже выбор доноров (осужденных-смертников) по критериям заказчиков. В ответ на разоблачения в прессе официальный представитель Китая эту информацию опроверг, заявив, что торговля человеческими органами в КНР «преследуется по закону». Правда, тот же представитель признал, что отдельные «детали» из тел казненных разрешается использовать медицинским учреждениям при наличии на то согласия самих жертв или их ближайших родственников⁶⁶.

Идут годы, а сообщения о продолжающейся в Китае практике торговли органами казненных не сходят со страниц мировой прессы. В 2005 году в британской печати, например, сообщалось, что одна из китайских косметических компаний, используя кожу казненных смертников, изготовила уникальные косметические препараты для продажи за рубежом⁶⁷. Прошло еще четыре года, а национальные сайты разных стран до сих пор переполнены сообщениями о широкой практике торговли органами казненных.

Как уже отмечалось, лица, которым в Китае грозит смертная казнь, не получают доступа к справедливой судебной процедуре. Среди многочисленных нарушений международные правозащитные организации называют, прежде всего, отсутствие своевременного доступа к адвокату, отсутствие презумпции невиновности, политическое вмешательство в судопроизводство и нежелание отказаться от использования доказательств, выбитых под пытками.

21 мая 2008 года Министерство юстиции и Верховный Народный суд КНР выпустили совместный документ, содержащий толкование роли адвоката в делах, связанных с назначением высшей меры наказания. В силу этого документа юридические бюро и контролируемые правительством ассоциации адвокатов наделяются полномочиями определять ход дел, которые могут привести к вынесению смертного приговора. Этот документ, однако, не устраняет противоречий между пересмотренным Законом об адвокатуре (вступил в силу с 1 июня 2008 г.) и уголовно-процессуальным законодательством, регулирующим доступ обвиняемых к адвокату в делах, связанных с государственной тайной. На практике власти КНР продолжают лишать обвиняемых в преступлениях доступа к юридической помощи по соображениям секретности. Напомним еще раз, что сведения о применении смертной казни в КНР сами по себе и относятся к государственным секретам.

18 декабря 2008 года Китай вновь проголосовал против резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о введении всемирного моратория на казни; в 2009 году в КНР казнили более тысячи осужденных.

Индия

⁶⁶ См.: Гук С. Человеческие «запчасти» на экспорт // Известия. 1998. 6 марта.

⁶⁷ *Guardian*. 2005. September 13. AI Index: ASA 17/035/2005, October 5, 2005.

В отличие от Китая, Индия не относится к числу стран, для которых характерна широкая практика применения смертной казни. Наоборот, сфера применения этой меры наказания здесь всегда была весьма ограничена и в законодательстве, и в судебной практике, и в еще большей мере в практике исполнения смертных приговоров. В данном случае избранная последовательность изложения материала определяется ролью и местом Индии в истории развития мировой цивилизации, особенностями ее уникальной культуры и ролью религии, общностью опосредованных воздействием глобализации процессов экономического и социального развития, которые характерны для Индии и Китая, представляющих более 40 % населения планеты.

Индия, как и Китай, в последние 10–12 лет показывает впечатляющие темпы экономического роста. Как и в других странах Юго-Восточной Азии, темпы развития экономики резко опережают развитие многих других сторон общественной жизни. Изменения, связанные с влиянием процессов глобализации, в Индии, как и в других странах региона, далеко не всегда несут позитивный эффект.

В огромной стране осуществление многих проектов индустриализации и развития повлекло за собой массовые перемещения людей, бесчисленные нарушения прав человека на достойные условия жизни, на труд, образование, медицинскую помощь и т. п. Миллионы людей, находившихся в самом неблагоприятном положении, все еще продолжают жить в нищете, а преимущества, которые должно было нести экономическое развитие, приходится лишь на крайне незначительную часть почти миллиардного населения страны.

Даже сегодня около 30 % населения Индии, как уже отмечалось, живет за официальной чертой бедности. Сохраняющийся разрыв в уровне жизни в городах и сельской местности наглядно показывает, что общее позитивное влияние экономического развития до сих пор не коснулось сельского населения. Несмотря на бурное развитие сети услуг, в стране особенно остро ощущается безработица; отчаяние сельских жителей выразилось в значительном росте числа самоубийств. Так, по сообщениям властей Индии, в период с 2003 по 2006 год в стране ежегодно регистрировалось 16 тыс. случаев суицида, а всего за 1997–2006 годы их число составило около 100 тыс.⁶⁸

Экономическое развитие страны, вселявшее большие надежды, не улучшило жизнь обездоленных слоев населения – огромной массы людей, подверженных социальной дискриминации, особенно жизни этнических и религиозных меньшинств. Как уже отмечалось, неравенство, издавна укоренившееся не только в общественном сознании, но и в самих основах общества, сохраняется.

Развитие законодательства Индии и всей системы правоохранительной деятельности идет крайне медленно, а судебная система и вся практика правоприменения отличаются неповоротливостью и консерватизмом. К тому же данные о статистике преступности и применении наказаний на основе Уголовного кодекса 1973 года и целого ряда специальных законов⁶⁹, как и в других странах этого региона, не подлежат публикации.

С середины 70-х годов прошлого века уголовное законодательство ограничивало сферу возможного применения смертной казни, главным образом, такими преступлениями, как убийство политических деятелей, убийство нескольких лиц или разбойное нападение, повлекшее тяжкие последствия, захват заложников и наркоторговля. Кроме традиционных преступлений, наказуемых смертной казнью, Уголовный кодекс Индии содержит и ряд по-своему уникальных составов. К их числу относятся подстрекательство ребенка или психически больного к самоубийству; дача ложных показаний с целью обвинения другого лица в преступлении, наказуемом смертной казнью (эта цель является квалифицирующим признаком).

⁶⁸ См.: Amnesty International Report 2007; AI Index: POL 10/ 007/2007.

⁶⁹ Среди таких специальных законов следует назвать, например, принятый в 1985 году «Закон о борьбе с терроризмом и подрывной деятельностью».

В восточных цивилизациях вообще и в Индии в особенности проблема самоубийств и подстрекательства к самоубийству имеет свою давнюю историю, традиции и специфику. До сих пор здесь довольно широко распространен древний ритуал *sati*, означающий самосожжение вдовы на погребальном костре мужа. Ежегодно происходили тысячи таких случаев, что вынудило власти принять в 1987 году Закон о комиссии по предотвращению сати, который установил смертную казнь за подстрекательство вдовы к такому виду ритуального самоубийства⁷⁰.

Верховный суд Индии в последние 20 лет неоднократно рассматривал вопрос о соответствии смертной казни конституции страны, но каждый раз не находил эту меру и способ приведения смертного приговора в исполнение (повешение) противоречащими конституции⁷¹. Что же касается ограничений в применении смертной казни, то они касаются лишь несовершеннолетних (Закон 1986 года о правосудии по делам несовершеннолетних), беременных женщин и душевнобольных.

Статистику Индии издавна отличал большой разрыв между числом вынесенных судами смертных приговоров и числом казней. В 1991 году из 24 смертных приговоров в исполнение было приведено 4; в 1992 году – 6; в 1993 году – 4; в 1994 – 1, а в 1995 году – 2 приговора⁷². Указанный разрыв во многом был предопределен сложившейся практикой применения помилования «смертников». В 90-х годах президент страны применял эти полномочия к 75–80 % осужденных, заменяя смертную казнь либо пожизненным заключением, либо длительными сроками лишения свободы.

Следует особо отметить, что статистику казней в стране всегда отличала закрытость и недоступность для общественности. Возможно, поэтому о казнях в последующие годы ни в одном из доступных источников не упоминается, хотя известно, что в силу ряда поправок и новых актов законодательство расширило сферу применения смертной казни, предусмотрев эту меру наказания за изнасилование, а также за совершение террористических актов, повлекших гибель людей. Это решение властей вызвало кампанию протеста, в ходе которой в июле 2000 года в Дели была проведена первая национальная конференция противников этой меры наказания⁷³.

В 2001 году было вынесено 16 смертных приговоров; в 2002 году к этой мере наказания, по данным «Международной амнистии», было осуждено еще 30 человек; к концу года общее число таких осужденных составляло «минимум 60 человек»⁷⁴.

Между тем политическая ситуация в стране оставалась крайне сложной. Права национальных и религиозных меньшинств серьезно ущемлялись, мусульмане все чаще становились объектами нападений и убийств, организованных группами националистов, которым нередко потворствовали государственные структуры. Система уголовного правосудия, страдавшая от недостатка ресурсов, продолжала работать очень медленно, доступ к ней людей из таких социально и экономически изолированных слоев общества, как низшие касты, женщины, религиозные и национальные меньшинства (далитов и адиваси), был крайне затруднен. Службы безопасности продолжали работать в атмосфере безнаказанности за насилие и многочисленные

⁷⁰ См.: Когда убивает государство. М., 1989. С. 230.

⁷¹ См.: Schreiber A. States that Kill: Discretion and the Death Penalty – A Worldwide Perspective // Cornell International Law Journal. 1996. Vol. 29. P. 301.

⁷² См.: Право и политика. 2002. № 1. С. 79. – По другим источникам, в 1993 году приводились в исполнение три смертных приговора, а в 1994 году – два (см.: Simon R., Blaskovich D. A Comparative Analysis of Capital Punishment: statutes, policies, frequencies, and public attitudes the world over. Lanham, 2002. P. 28).

⁷³ Автору довелось знакомиться с положением дел в Мадрасе как раз в тот период, когда 28 января 1998 года Верховный суд штата Тамил Налу вынес смертный приговор 26 заговорщикам (в том числе пяти женщинам), виновным в убийстве премьера Раджива Ганди. Позднее почти всем им высшую меру заменили пожизненным заключением.

⁷⁴ См.: AI Index: ASA 20/049/2001 «India: Briefing on the Prevention of Terrorism Ordinance». – По данным индийских СМИ, со дня объявления независимости, с 1947 по 2004 год, – казнено 55 осужденных.

нарушения прав граждан, благодаря нормам, которые были закреплены в законодательстве о безопасности, и политическому покровительству⁷⁵

⁷⁵ См.: AI Index: ASA 04/ 002/2002 «India: evaluation of the South Asia Human Rights Defenders Project».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.